

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН
Эна ЛАНСКАЯ

Текст

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Не
ПЛАТОНИЧЕСКИЕ
отношения

Яна Ланская

Не платонические отношения

<https://litres.ru/73968784>

SelfPub; 2026

Аннотация

Думали, справедливость существует? Забудьте! Меня сбил мажор из МГИМО. Он — сын пресс-секретаря МИДа и лучшего адвоката Москвы. У него есть всё: деньги, власть, безнаказанность. А у меня? Ничего. Я сирота, совершенно одна. И по иронии судьбы, теперь я преступница. Меня обвиняют в том, что я сама бросилась под колёса его суперкара, чтобы вымогать деньги. Он — неприкосновенен. А мне не на кого надеяться, но это столкновение перевернёт наши жизни. Навсегда.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	39
Глава 7	49
Глава 8	57
Глава 9	66
Глава 10	72
Глава 11	80
Глава 12	91
Глава 13	101
Глава 14	111
Глава 15	119
Глава 16	129
Глава 17	141
Глава 18	145
Г	158
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Не платонические отношения

Глава 1

Внимание!

Данная книга предназначена исключительно для читателей старше 18 лет. В тексте присутствуют: нецензурная брань, сцены курения и распития алкоголя. Книга не имеет намерений оскорбить или задеть чьи-либо чувства, взгляды или убеждения. Все события, персонажи и диалоги являются вымышленными.

Любые совпадения с реальными людьми или ситуациями случайны.

Произведение предназначено исключительно для развлекательного чтения.

— Спасибо! Мы вам перезвоним, — улыбается мне очередная потенциальная работодательница, а я мысленно зажигаю девятый палец. Очередной отказ. Три недели собеседований и всегда один итог. — Серёж, проводи Полину, пожалуйста!

Плетусь за хозяином дома по длинному коридору, а са-

ма уже мысленно собираюсь в Малоярославец к деду. Представляю, какая серость меня ждёт. Дед и его пьяные дружки. Мыши в доме, грязь и слякоть с сентября по май и полная безнадега. А в том медленном ритме меня ещё и скорбь ша-рахнет по полной. Я-то думала загрузить себя работой и учёбой и так пережить потерю, а там меня накроет по полной.

— Как вам наши условия? — Вырывает меня из раздумий отец детей, с которыми мне, возможно, ещё предстоит сидеть.

— Очень хорошие. У вас на редкость милые и воспитанные дети. И дом с участком прекрасны.

— А зарплата? Блок для персонала?

— Выше среднего. Я бы с радостью у вас работала. Мне всё подходит, — улыбаюсь мужчине с надеждой. Эта работа решила бы все мои проблемы. Ну, те, что можно решить.

Мужчина галантно помогает мне накинуть куртку и вдруг вжимает в стену. Чётко осознаю, что это не случайность, и цепенею от ужаса. Его руки скользят по моим бёдрам и сжимают их.

— А если мы с тобой подружимся, красotka, ещё сотку

накину, — опаляет меня горячим дыханием и отходит.

Хватаю сумку и выбегаю из дома. Сердце сейчас выскочит из груди. Как же мерзко. Гадко. Хочется срочно помыться. Какое унижение!

— Ты подумай. Мы перезвоним, — доносится в спину, и я как нарочно спотыкаюсь на брусчатке. Боли не чувствую, вскакиваю и выбегаю с участка.

Пробежав до следующего перекрёстка, осматриваю себя, замечаю ссадину на коленке и ладонях и начинаю чувствовать боль. Хорошо, что это отвратительное собеседование было в том же посёлке, в котором я живу, и до дома мне пройти всего десять минут, а не тащиться через весь город.

Ещё чуть-чуть, и я смою с себя этот кошмар. Двадцать первый век, эра интернета и высоких технологий, а какие-то богачи-дикари думают, что у нас крепостное право не отменили? Урод!

Трясёт всю от возмущения, брезгливости и злости. Подать заявление о домогательствах? Да кто мне поверит?! Подумают, хочу денег стрясти. А агентство меня сразу исключит.

Эйчар легка на помине и звонит, будто чувствуя, что я о ней думаю.

— Да, Ольга Витальевна, здравствуйте!

— Полина, хорошие новости! Ты прошла в Чистые Рощи. С понедельника можешь приступить.

— Нет, я отказываюсь. Мне не подходит. Нет!

— Поль? Ты месяц почти на собеседования ходишь и везде отказ. А тут готовы на проживание. Да и дети уже в школе. Лафа!

— Ольга Витальевна, исключено. А ещё есть вакансии с проживанием?

— Полин, вакансии-то есть, но брать тебя не хотят. А я честно скажу почему. Опыта настоящего по работе с детьми у тебя нет, образования никакого нет, ну а самое главное — молодая и красивая. Ну какая женщина захочет, чтобы такая прелестница в доме жила? Знаешь, сколько таких историй? Не перечить.

— Знаю, — отвечаю дрожащим голосом. — Поэтому и отказываюсь.

— А-а-а-а. Поняла, — женщина молчит, и я надеюсь на

её содействие. — Ну, Полин, тогда в офис. Других предложений у меня нет.

— Если что-то будет, пришлите, пожалуйста!

По интонации менеджера понимаю, что ничего она мне уже не отправит, и мой план по устройству няней с проживанием терпит фиаско. Да и я после сегодняшнего боюсь. Как вспомню До сих пор чувствую его руки на себе.

Работа в офисе мне никак не подходит, потому что мне не хватит денег на аренду квартиры, оплату репетиторов и еду.

Говорят, цены за последний год так выросли, что мне даже комнату не снять. Не буду же я жить в резиновой квартире с гастарбайтерами.

Может, идея вернуться к деду не такая уж и плохая? Буду ему готовить, устраюсь в «Пятёрочку» и спокойно подготовлюсь к ЕГЭ там? Интернет бы провести. Судя по всему, это единственный разумный выход.

Нет, даю себе ещё месяц на поиск работы, не получится, тогда уеду. К хорошему привыкаешь быстро, вот и я уже не очень хочу возвращаться туда. За семь лет жизни в Москве всё там стало чуждым.

Я все эти годы понимала, что всё, что меня окружает, не наше, что мы здесь временные гости, но семья, в которой мама работала няней, к нам так хорошо относилась, что волей-неволей я начала чувствовать себя как дома.

Захожу на участок, который стал мне за последние семь лет родным, и останавливаюсь у маминого куста роз.

— Мамуль, сегодня опять неудача. Прости, что завалила экзамены! Прости, что не смогла собраться! — Шепчу в пустоту и обещаю себе быть сильной.

Мамочка сгорела буквально за полгода. В феврале ей озвучили страшный диагноз — лимфома Ходжкина. Шансов не давали никаких сразу, но посоветовали клинику в Тель-Авиве.

Я убедила маму бороться до конца, все сбережения, что мама заработала за двенадцать лет, ушли за четыре месяца. Я ни о чём не жалею. Зато я знаю, что мы попробовали всё. А на квартиру я сама заработаю. Да, сдала ЕГЭ намного хуже, чем планировала, потому что мыслями была с мамой на химиотерапии, и не смогла поступить в университет. Даже посредственный. Но, может, и оно к лучшему. У меня есть год, чтобы подготовиться и сдать экзамены ещё раз. А может,

забить на юридический и пойти в медицинский?

— Пооооль! — Машет мне мамина хозяйка, у которой я всё ещё живу. Эта семья стала мне родной за эти годы, и естественно, они меня не выгнали, когда мамуля умерла, но не могу же я пользоваться их добротой вечно. Я обещала им к сентябрю что-то найти и съехать, придётся попросить пожить ещё.

— Здравствуйте, — подхожу к веранде и приветствую семью. — Привет, малышня!

— Полин, ну как Топаловы? Берут тебя? Я отправила рекомендательное письмо, как ты и просила.

— Нет. И менеджер сегодня сказала, что меня вряд ли возьмут в дом с проживанием. Придётся что-то другое искать, — вздыхаю. — Дарина Вячеславовна, вас не затруднит, если я ещё у вас поживу и поищу работу?

— Поль, в том-то и загвоздка. Федорчук предложил Коле роль, послезавтра улетаем все в Иран на съёмки. Мы никак не можем тебя здесь оставить, потому что завтра прилетает семья из Бишкека. Семейная пара с взрослыми детьми. Они всё хозяйство на себя возьмут. Им нужен домик целиком. Прости.

— Завтра? Уже? И улетаєте сразу? — Разочарованно спрашиваю. Так бы, может, меня и в основном доме оставили.

— Да! Петров в последний момент отказался от роли, и Коле предложили. Сами в шоке. Но это его мечта. А куда муж, туда и я. Дети подросли, поучатся на удалёнке.

— А Алина?

— Алина остаётся в Москве, будет учиться. Поль, тебе же есть где перекантоваться? Уверена, ты быстро найдёшь работу и снимешь себе квартиру.

— Есть, конечно. Пойду собирать вещи.

Я вру. У кого мне перекантоваться? Не у кого. Найди работу и сними жильё. Она хоть видела цены на это жильё? И это надо умножить на три, ещё за последний месяц заплатить и риэлтору. Как всё просто в жизни у людей, которые не знают нужды.

Поверить не могу, что она с улыбкой меня выставила на улицу. Дарина все эти годы относилась ко мне как к своей. Что же делать? Отчаяние полное.

— Польшка! — Раздаётся стук в дверь, и я узнаю голос Алины.

— Входи! — кричу и улыбаюсь. Алина была первым ребёнком, к которому моя мама попала няней, и так она в семье Мезенцевых и осталась. Вырастила им ещё троих детей. А Алинка моя ровесница и лучшая подруга. Мы как сёстры.

— Поля! Я слышала, я знаю! Это ужасно! Предки вообще... — энергично произносит Алина, забегая в комнату. — Но ты не переживай, у меня прекрасный план! И предложение, от которого ты не сможешь отказаться!

Глава 2

— Какой план, Алин? Что ты задумала?

Подруга, что в двенадцать генерировала безумные идеи и развлекала всех своей неуёмной фантазией, что сейчас.

— Мне позвонил Филипп и признался в любви. Я улетаю к нему в Амстердам. Мы будем вместе жить! А-а-а-а! — Алька скачет по моей комнате как угорелая, хватая меня за руки и заставляет скакать вместе с ней.

Какая же она счастливая. Так и должна жить восемнадцатилетняя девушка. Влюбляться, радоваться и жить на полную катушку.

Но не всем так везёт. А мне приходится своё горе убирать на дальнюю полку и выживать. Быть сильной и не опускать руки.

— А родители что? Вы же познакомились только месяц назад. У тебя же папа консервативный. А учёба? — Засыпаю её вопросами.

За Алинино обучение в президентской Академии запла-

тили восемьсот тысяч в год, и вряд ли их вернут за три дня до начала учебного года.

— Воооот! А в этом ты мне и поможешь! — Интригует Алина.

— Каким образом?

— Смотри, — Алина протягивает мне свой студенческий билет, в котором заламинирована моя фотография с загранпаспорта. Я поднимаю на неё глаза и вижу, что она протонировалась и смыла свои светлые пряди, и у нас теперь одинаковые волосы. Нет, не может быть. Она сумасшедшая. — В деканате даже не заметили подмены!

Алина смеётся, а её лицо торжествует от собственной гениальности.

— Ты хочешь, чтобы я училась за тебя? — Озвучиваю безумную мысль.

— Ну да! Круто же? У тебя будет репетиция, считай! Плюс будешь жить у меня, и я тебе отдам пятьдесят процентов своих денег. — Алина открывает своё банковское приложение и показывает мне переводы. — Папа мне перечисляет двести. Сто тебе. Всё честно! По рукам?

— Да это же уголовка, наверное, Алин. А если выяснят? Студенты спалют? Я же под твоим именем буду? А социальные сети? А как ты будешь от родителей гаситься? Нет, невозможно! Это слишком! — Стараюсь призвать её к разуму.

— Да они же в Иран сваливают. А я типа учусь. Я бы забила на учёбу, но они будут за посещаемостью и успеваемостью следить.

— Ну не знаю. А если вы с Филиппом расстанетесь и ты вернёшься? А преподы и студенты уже все знают меня.

— План таков. Если у нас всё хорошо, то ты за меня хорошо сдаёшь сессию, и я перевожусь в Амстердам. Так можно, я уже выяснила. А если у нас не сложится, то ты завалишь мне сессию, тебя отчислят, а в следующем году я поступлю в театральное, как и хотела. И предки убедятся, что «твёрдая» специальность — не моё.

— Алиш, ну это слишком. Я боюсь.

— Поля! Ну ты что? Подведёшь меня? Давай! Ну чего тебе терять? Новая квартира, мои шмотки, универ, тусовки. Активная жизнь начнётся, отвлечёшься хоть. Это то, что тебе нужно. Ну ты же без меня скиснешь одна, — Алина смотрит.

рит на меня с грустью, и я понимаю, что одна я просто умру от тоски. — Всё решим, всё продумаем. Круто будет, давай! Решайся! Прямо сейчас тебе вещи помогу собрать и поедем ко мне. А послезавтра я уже улечу. Нуууу?

Размышляю над предложением и взвешиваю все за и против. Я смогу оплатить репетиторов и смогу отложить на квартиру. А весной подработаю где-нибудь. С накоплениями я как-нибудь протяну до поступления.

— Я согласна, — бросаюсь в объятия Алины, и наш визг разрывает нам ушные перепонки.

Какая же она сумасшедшая! Но это действительно лучший выход из ситуации. Главное, одноклассников не встретить. Но вроде у нас никто туда и не поступил.

Глава 3

— Алин! Алиииин! Стооооой, Алиииин! — Вовпит девичий голос на всю улицу.

Я думаю о том, сколько можно кричать, и продолжаю набирать сообщение своему репетитору. И вдруг до меня доходит, что кричат-то мне. Две недели уже учусь под «псевдонимом», а привыкнуть не могу. И в этот момент перед глазами возникает серое пятно, ногу пронизывает боль, и я понимаю, что сдвинуться с места не могу.

С ужасом осознаю, что по моей ступне проезжает машина. Пытаюсь вытащить ногу, отпрыгнуть, но остаюсь зажёванной! А горе-водитель продолжает туда-сюда перекатываться по моей несчастной стопе.

Кожу жжёт, давящая боль парализует всё тело, а голос Голоса нет.

— Придурок! Идиот! Смотри, куда прёшь! — Раздаётся визжащий голос за моей спиной, а я по-прежнему молчу и не понимаю до конца, что происходит.

Наконец машина проезжает вперёд, и я падаю, схватив-

шись за свою саднящую лодыжку. Из глаз брызгают крупные слёзы, и у меня начинает мутнеть сознание.

— Девушка! Девушка! С вами всё в порядке? У меня есть аптечка. Я сейчас вызову скорую! Крепитесь! — Рядом со мной материализуется молодой человек с добрыми глазами и старается завладеть моим вниманием.

Пытаюсь что-нибудь сказать, но будто забываю, как говорить, и лишь жалобно постанываю. Смотрю на израненную ногу, на машину, на парня, перед глазами плывёт, и я окончательно теряюсь в водовороте событий.

— Руки убрал, козёл! — Узнаю по голосу Асю, свою одноклассницу, но голоса сливаются в единый неразличимый гомон. Людей становится слишком много, слышу, что меня фотографируют, окликают, но язык по-прежнему меня не слушается.

— Я не специально, девушка! Простите! — Твердит мне тот добряк, и я осознаю, что это он меня и сбил. На таком-то космолёте А я думала, там миллион датчиков и автопилот.

Внешность обманчива. И добряк меня искалечил, и чудо техники совсем не чудесное.

— Ну всё понятно! Китаец! Хвалёные лидары* не работают. Вот и наехал на девчонку. У тачки разгон до сотки меньше двух секунд. Же-е-е-сть. У неё шансов не было. Хорошо, по касательной прошёл. Она в рубашке родилась. Мажору жопа! — За моей спиной проходят бурные обсуждения, из которых я наконец осмысливаю случившееся. — Так им и надо! Напокупают прав! Ничего, присядет мажорчик, подумает! ДПС вызывайте!

*Лидар (LiDAR, Light Detection and Ranging) — это технология дистанционного зондирования, которая использует лазерные лучи для измерения точных расстояний и движения в окружающей среде в режиме реального времени.

— Ээээй! Ты в себе вообще? Аля! Алина! Мезенцева! — Тормозит меня Ася и брызгает водичкой в лицо.

В такой ситуации мне ещё и приходится конспирировать-ся. Вот встану на ноги и прибуду Алинку! И в Амстердаме достану и из-под земли.

— А-а-а-а, — шоковое состояние, видимо, проходит, и я остро начинаю ощущать боль и закусываю палец, чтобы не скулить на всю улицу.

— Дыши-дыши, — подбадривает Ася. — Скорую-ско-

рую! Вызвали?

— Девушка, — водитель присаживается на колени рядом со мной, и я отмечаю даже сейчас, что он просто капитальный красавчик. Как принц из диснеевской сказки. — Я приложу вам бутылку воды? Она стеклянная и из холодильника.

— Руки убрал! Кретин! — Вырывает Ася у него бутылку и прикладывает к моей лодыжке. — Мальчики, окружите его. Чего доброго, сбежит. Полиция уже едет.

— Да я здесь-здесь. Вину признаю, — говорит молодой человек и обеспокоенно осматривает меня. — Крови нет? Пошевелить можешь ногой?

— Н-е-е-е-т, — хнычу и морщусь от боли.

— Прости. Я не знаю, как так вышло. Вот за что не люблю электрокары, их не слышно. Ты в наушниках была?

— В хуюшниках! — Ася продолжает быковать на явно сожалеющего парня. — Ты ей вину то не навязывай, красавчик!

— Так ясно, — парень выдыхает и достаёт свой телефон. — Алло, мам. Я быстро. Срочное дело. Я девушку у Ран-

хигса сбил случайно. Наверное, тебе надо дать комментарий. Или созвать пресс-конференцию. Жива, конечно. Скорая уже едет. В сознании, да. И полиция едет. А, понял. Да, и ему позвоню. Спасибо!

Кому он позвонит? Что он понял?

Взгляд парня резко перестаёт быть жалобным, и он смотрит на меня как-то подозрительно. Долго, тщательно. Отслеживает каждую мою реакцию, мне аж не по себе становится.

Я одновременно отвечаю ребятам, высказывающим мне сочувствие и поддержку, и не могу перестать пялиться на виновника. Впрочем, наши гляделки взаимны.

Интуиция подсказывает надвигающиеся неприятности. Губы пересыхают, меня потряхивает, голова гудит. Или у меня сотрясение? Да я же не падала, не ударялась, а внутри всё дребезжит.

Улавливаю сирену скорой помощи, и внезапно становится себя невыносимо жаль. Как я буду со сломанной ногой ходить на пары? Кто мне в быту поможет? А вдруг там что-то очень серьёзное, и я вообще ходить не смогу? Мало мне было несчастий

Карета скорой помощи останавливается у ворот, и фельдшеры на ходу выбегают из раздвижной двери. Студенты расступаются и дают им пройти ко мне.

— Где пострадавшая? — Строго спрашивают и бросаются ко мне.

Начинается стандартная процедура. Они спрашивают, как меня зовут, возраст, прописку, а мне приходится давать данные Алины, потому что рядом одногруппники. А если меня на операцию увезут и там вскроется? Ой, попала! Ввязалась на свою голову в авантюру!

Кажется, именно факт раскрытия меня беспокоит сейчас больше всего. Возможно, это не даёт мне раскиснуть, и я пока держусь.

Фельдшер начинает аккуратно снимать мне ботинок, растёгивает молнию, я попискиваю и закусываю губу от острой боли. Смотреть боюсь и отворачиваюсь. Там, наверное, места живого на мне нет.

Чувствую, как они крутят мою ногу в разные стороны, разрезают колготы, и кожу резко начинает щипать. Стараюсь глубоко дышать и контролировать панику.

— Ну вот и всё. Обычная ссадина. Просто молния зажевала кожу. Можете выпить обезболивающее, но к выходным всё заживёт, — огорошивает меня фельдшер.

Я ошарашенно смотрю на свою ногу и замечаю на ней лишь пластырь. Шевелю пальчиками и убеждаюсь, что в общем всё в порядке.

В этот момент к нам подходят сотрудники ДПС, переговариваются с водителем, который вальяжно покидает свой ярко-красный салон, и подходят ко мне.

— Всё? Подлатали? — Спрашивает полицейский у врача.
— Ну, а теперь, гражданочка, пройдёмте. Оформлять будем.

— Куда пройти? — Уточняю.

— В отдел поедem. Выяснять.

Не успеваю я вникнуть, как меня подхватывают за обе руки и тащат к полицейской машине словно преступницу. А мажор нахально посмеивается надо мной и следует по пятам.

Глава 4

Полицейские мне монотонно представляются, сообщают, что задерживают до выяснения обстоятельств, и сейчас мы поедем писать объяснительную и давать показания. У меня от волнения голова кругом. Вот начнут документы требовать, что я им предъявлю? Студак Алины с моим фото? Хорошо, паспорт свой дома оставила. А если наоборот плохо? Как выкручиваться из этой ситуации? И позвонить некому...

Нет, надо с этим зализанным симпатягой договариваться. Ну что ему, в самом деле? Я, как выяснилось, особо не пострадала. Машина его в порядке. Просто неприятный инцидент на парковке. Зачем ему это всё? Он и близко не догадывается, в какие проблемы меня втягивает.

Оборачиваюсь на своего зловерителя и взглядом упрашиваю остановиться и избавить меня от этой катастрофы, но он и не смотрит на меня. Сам в телефоне и залипает, вот его точно также сейчас могут сбить. И замшевые лорики не спасут его зажиточную стопу от перелома.

Ася спешит за нами с моим несчастным ботинком, и на её лице написано, что так просто она меня не отдаст.

— Это какая-то ошибка! Все же видели, что он на меня наехал! — Растерянно обращаюсь к сотрудникам полиции и свидетелям, пока меня заталкивают в патрульную машину.

— Вот и разберёмся, автоподстава это или наезд. Пешеход обязан убедиться в безопасности перехода, — безэмоционально чеканит полицейский.

— Что? Какая ещё подстава? Это же твоя вина! Признай! Ты же сам извинялся! — Молю мажора о справедливости.

— Пупсик, у меня двенадцать камер, всё зафиксировано. Думала, бросишься под колёса заряженной тачки и найдёшь себе спонсора? Или просто компенсацию на новую сумочку хотела? — Снисходительно улыбается мерзавец. — Просто признай свою невнимательность и не сядешь за вымогательство.

— Вымогательство? Да я тебе слова не сказала! Ась! Скажи им! Кто-нибудь, подтвердите мои слова! Я не виновата! — Взываю к толпе, но все как по команде стихли.

— Она не виновата! Она вообще молчала! Совесть-то имейте! Заберите меня! Ей в больницу надо! — Ася стоит и грозит полицейским моим ботинком и не оставляет надежды на моё освобождение.

Но её просто не слушают. Захлопывают двери, садятся по местам и увозят меня в неизвестном направлении без ботинка.

А этот гад прилизанный ещё имеет наглость мне помахать на прощание. Да ещё и с такой глумливой улыбочкой на лице. Божеее! Какой моральный урод! Носит же Земля таких! Ненавижу!

— Я не виновата! Я Я ему слова не сказала! Это клевета! Я ничего не вымогала! Я подам на него в суд! — Поворачиваюсь к сержанту и начинаю от волнения тараторить.

— Вот сейчас всё и выясним. Кто и кому и когда что предлагал, — спокойно отвечает потерявший интерес к жизни блюститель порядка. Кажется, у него таких эпизодов за карьеру накопилось выше крыши, и ему совсем не интересно. Никакого участия.

— А почему вы не опросили свидетелей? — Не оставляю попыток достучаться.

— Девушка, не учите нас работать.

Еле сдерживаю мимику на лице, чтобы красноречиво не

послать его взглядом на Гоа, и отворачиваюсь.

Нога побаливает, и мне начинает казаться, что фельдшер провёл некачественную диагностику. А вдруг у меня трещина? Растяжение? Связки порваны? Да что угодно?

— Мне нужна независимая медицинская экспертиза!

— Так водитель её пройдёт.

— Да?

— Да. Мы проверим его.

— Я про свою ногу. У меня могут быть телесные повреждения средней тяжести.

Сотрудники многозначительно вздыхают и ничего мне не отвечают.

Машина сворачивает во двор, и я узнаю квартал Алины, в котором живу. Один плюс есть, я недалеко от дома. Вот только как мне это поможет? Правильно! Никак.

Благо, в наручники меня не заключают и даже в обезьянник не сажают, а проводят в кабинет к следователю. Которого на месте нет.

— Садитесь, пишите объяснительную, — утомлённая жизнью сотрудница в форме не по размеру протягивает мне листок и ручку.

— Я заявление хочу написать! На этого вашего лихача!

— Пишите, рассмотрим, — отвечает прокуренным голосом.

— А что писать? — Растерянно оглядываю своих конвоиров и недружелюбную женщину.

— Правду! — Гаркает сотрудница. — Давно мы тебя искали. У нас тут по РУДН три заявления, пять из МГИМО, из педагогического одно и из «Мирэа» с «Ранхигсом» по два. Рецидивистка ты!

— Вы о чём?

— Ой, не строй из себя невинную-то! Сколько парней в июне развела. Поди всё лето попу на морях грела и вернулась. А знаешь, в чём твоя ошибка? Никогда нельзя возвращаться на место своего преступления! Надо было сменить дислокацию. А ты всё у нас крутишься.

— Это розыгрыш? Я никого не разводила! Я вообще не понимаю, о чём вы.

Женщина пренебрежительно машет рукой и выходит из кабинета.

— Документики на пять минут, — говорит мне сержант, — отксерю.

— Какие документики? — Пищу, предчувствуя своё разоблачение. Ещё и чужую вину на меня повесят.

— Паспорт.

— У меня только студенческий с собой.

— Давайте пока его. Паспорт подвезти может кто-нибудь? Родители?

— Нет, — протягиваю студенческий и понимаю, что придётся врать до конца. Но это же полиция. Ой, что делать. — Они в Иране.

— Там же война, — парень становится резко более заинтересованным.

— Закончилась. Они там кино снимают.

— Кино, значит, — сержант раскрывает мой студенческий, внимательно читает и вдруг весь оживает. — Мезенцева? Николаевна? Тот самый что ли? Витька Отчаянный из «Фарта»?

— Ага, — безбожно вру. Надеюсь, дядя Коля не убьёт меня за такую подставу.

— Сейчас вернусь, момент. — Сотрудник спешно покидает кабинет, оставляя меня одну.

Обречённо смотрю на окно с решёткой и боюсь даже представлять, какую кашу мы с Алиной заварили.

Глава 5

По моим же ощущениям прошло часа два. Постоянно в кабинет заглядывают какие-то люди, видят, что следователя нет, и уходят.

Что делать мне? Была бы я более дерзкой, я бы просто ушла, но я терпеливо сижу и жду. Тем более студенческий забрали. А вдруг они меня уже пробили по базе и мне капец? Если ничего не нарушала, может и в базе меня нет?

В туалет хочу, нога ноет, воду всю выпила и сушит, ещё и телефон сел.

Я уже от скуки даже свою объяснительную с рифмой переписала, однако

Наверное, это психологический приём. Давят на меня, чтобы я со всем согласилась. Нет! Даже если они узнают, что я выдаю себя за Алину, буду настаивать на справедливости.

«Пупсик, признай невнимательность». Фу! Какой гад! Эта фраза будет мне сниться на протяжении жизни. И не стыдно ведь!

От бесконечного ожидания и жуткой нервотрёпки решаю перечитать в сотый раз свою объяснительную и наконец замечаю дикое палево. Я расписалась своей подписью. А как выглядит Алинина, я без понятия.

Ладони тотчас потеют, и я начинаю нервничать. Надо же спалиться на самом тупом. Чистых листов не осталось, и я сижу и соображаю, могу ли встать и взять со стола следователя ещё лист?

А это куда? Убрать в сумку или порвать?

Как я докатилась до этого?

Решаю для надёжности порвать лист на маленькие кусочки и незамедлительно приступаю к уничтожению улики.

Подпрыгиваю на стуле, когда дверь в кабинет открывается и заходит аж четыре человека.

Застываю за своим преступлением и не знаю, что делать.

— Вот, Сергей Дмитриевич, эта девочка, — говорит знакомый мне сержант взрослому мужчине, — ну сами посудите, зачем дочери актёра устраивать такую ерунду. Недоразумение, и всё.

— Здравствуйте! — Здравуюсь на всякий случай и готова молиться на своего сержанта. Может, и в правду обойдётся.

Мужчина постарше лишь кивает мне.

— Да потому что они все повёрнуты на своих социальных сетях. Ради роликов своих и не на такое пойдут. Знаете, чему учат там? Вот так вот знакомиться и учат. А не прокатывает, они просто деньги вымогать начинают. Это она, — уверенно заявляет недружелюбная женщина. Она меня с первого взгляда не взлюбила. — Чёрные ботинки, русые прямые во-

лосы, чёрный пиджак. Подходит под описание.

— Валентина Петровна, да все так ходят. Чёрный ботинки и чёрный пиджак, — заступает за меня сержант, — ну не нужно ей это.

— Ага, не нужно. А Платон Пастернак заявляет, что она обернулась, посмотрела в его сторону, замедлилась и специально попала под колёса. И я ему верю. И уверена, что это та самая июньская мошенница. Я уже обзвонила потерпевших. Один готов приехать на опознание. А у папы актёра мастерства набралась!

Женщина окидывает меня уничижительным взглядом, и я понимаю, что она мне уйти так просто не даст.

— Валентина Петровна, какое опознание? Вы чего? — Удивляется мужчина. — Алина, вас есть кому забрать? Ходить можете?

И что сказать? Может, всё-таки стоит прикинуться больной?

— Ну так Я без ботинка.

— Оставьте нас, — приказывает своим подчинённым. Дождается, когда они уйдут, и садится напротив меня. — Алина, проверили мы водителя, он трезвый. Скорость превысил, но и вы, в общем, не пострадали. Пластырем обошлись. В намерения ваши ушлые я не верю, учитывая обстоятельства.

— Да я не специально! Клянусь!

— Заявление на парня писать будете?

— Буду!

— А может, не надо? — Виновато на меня смотрит. — Понимаете, он сын Пастернака, адвоката. Ну того самого. Слышали, может?

— Слышала

Ох, а парень не промах.

— А мама у него — Екатерина Архарова. Пресс-секретарь. Слышали?

— Слышала.

Да у него бинго прямо. Золотой ребёнок.

— А дедушка Ну в общем, может сами между собой договоритесь? Я понимаю, что ваши родители захотят наказать виновника. Но зачем? Он тоже неумышленно.

— Он меня обвинил в вымогательствах! Я ему слова не сказала! Это клевета!

— Погорячился

— А если бы на моём месте была другая? Что бы вы сделали? Повесили бы на неё вину некой июньской мошенницы?

— Негодную от несправедливости и социальном неравенстве в нашем обществе.

— Если бы да кабы, да во рту росли грибы, — раздражённо отвечает мужчина.

Завожусь вся от возмущения и в данный момент твёрдо уверена, что хочу быть именно адвокатом. Беспредел!

Только хочу возразить, как вспоминаю, в каком сама по-

ложении нахожусь. Отпускают и ладно, надо линять, пока не наговорила себе на административку в лучшем случае.

— Я могу идти?

— Можете!

— А объяснительная?

— Ничего не надо. Считайте, пошли на мировую.

— Хорошо! Всего доброго! А где мой студенческий?

— Вань! — кричит громко, и в кабинет заходит сержант.

— Отдай девочке студак. Проводи. И вообще надо придумать что-то. Без ботинка забрали. Совсем дурные. Как до-мой доберётся?

— Я такси вызову! — Забираю свою корочку и ковыляю на мысочках к выходу.

— Алина Николаевна! — Подбегает ко мне этот Ваня, и я сразу напрягаюсь. Скорее бы сбежать отсюда. — Передавайте папе привет! «Фарт» — мой любимый фильм!

Молодой человек так смущён и рад одновременно, что мне даже стыдно становится.

— Обязательно передам, Иван!

Парень расплывается в улыбке и неловко мне машет. Вот она, привилегированность во всей красе. А Полине Виноградовой досталось бы по полной.

Вроде я и рада, что всё обошлось, и усвоила урок, и больше в этом фарсе не намерена принимать участие, но злость не отпускает. И так жизнь мне последнее время ясно даёт понять, что справедливости нет, так ещё и это. Добило! Бесят!

Одно хорошо — я настроена сдать ЕГЭ на триста! И буду государственным защитником. Буду помогать людям против таких вот кретинов.

Я настолько зарядилась решительностью, что забиваю уже на свою ногу и ступаю на полную стопу. Как курица ковылять не буду. Отмоюсь, не страшно! В деревне что ли босиком не бегала? Бегала. Проверим на чистоту хваленые московские тротуары.

— Всего доброго! — Всю свою злость вкладываю в тон и срываюсь на непричастных полицейских.

Толкаю дверь и врезаюсь в тело.

— Извините!

— Не извиню! Весь день меня таранишь, пупсик! — Ехидничает мерзавец. И как парень внешне подходящий под типаж золотистого ретривера может быть таким говнистым?

— Пропусти! — Шиплю этому набору идеальных генов и родословной в бежевом прикиде.

— Пожалуйста, — напыщенно пропускает меня и разводит рукой.

— Мудак манерный, — цежу сквозь зубы.

— Прошу прощения? — Посмеивается парень и пускается за мной.

— Что слышал!

— Кого-то забыли воспитать, — закатывает глаза парень. Его пассивная агрессия с улыбкой на лице меня вымораживает.

— Главное, что качества привили правильные! — Выхожу из себя. — Я никогда в жизни бы не повесила вину на жертву! Но что тебе до жизни простых смертных, да? Надо свою репутацию обелить? Это же важнее всего.

Пытаюсь быстро идти по улице, но парень высокий и даже не утруждает себя, чтобы меня догнать. Идёт расслабленно за мной по пятам.

— Да чего ты так завелась. Сразу бы сказала, что тебе этот развод ни к чему!

— А! Ясно! — Останавливаюсь на месте, как вкопанная. — То есть я должна была тебе сказать, что я из твоих? Понятно всё с тобой!

— Ничего тебе не понятно, — спокойно отвечает и продолжает улыбаться. Бесит! — Как ты домой доберёшься без обуви?

— Не твоё дело!

— Алин, — вздыхает и прикладывает ладонь к груди. — Я виноват. Ладно? Стресс. Надо было действовать оперативно. Прости. Я готов компенсировать и ботинок, и колготки, и испорченный день. И лекарства. Всё что угодно. Давай я для начала тебя домой отвезу и цивилизованно поговорим.

— Цивилизованно ты сейчас пойдёшь на...

— Не хочешь общаться цивилизно, будем по-другому, — не даёт договорить, подрывается ко мне и закидывает моё тело, словно пушинку, к себе на спину.

— Эй! Поставь меня на землю живо! Эй! Гад прилизан-

ный! Поставь меня! Люди! Помогите! — Калачу парня по спине, но он как ни в чём не бывало тащит меня в неизвестном направлении и смеётся, а вокруг, как назло, ни души!

Глава 6

— Если ты будешь вопить на всю улицу и колотить меня, пупсик, я пренебрегу своим воспитанием, — строго и самоуверенно говорит мерзавец.

— И что ты сделаешь, голден ретривер? — Не унимаюсь и начинаю дрыгать ногами, а этот кретин перехватывает их и кладёт свою лапу на мою попу. — Руки! Ты что себе позволяешь?

— Рот! — Рывкает и шлёпает меня по попе. В себя что ли поверил?

— А-а-а-а-а! — Кричу на всю улицу от безысходности, но он открывает тачку и закидывает меня, как мешок с картошкой, на заднее сидение и захлопывает дверь.

Пока он обходит машину, вскакиваю и пытаюсь выбраться, но двери заблокированы. Вот дура!

— Пристегнись, — залезает в машину, и эта китайская брличка загорается вся и что-то лепечет на своём. Робот-убийца!

— Я напишу на тебя заявление, Платон! Домогательства и похищения!

— Пиши, — смеётся, будто я шучу. — Где ты живёшь?

— Не скажу!

— Тогда поедem ко мне, — поворачивается ко мне всем корпусом и улыбается. Поражает его наглость. Ведёт себя так, будто мы друзья закадычные. Пустая башка! Ноль нейронных связей! Он даже представить себе не может, насколько низко себя повёл, а теперь делает вид, что ничего не было.

— Вон, розовая башня через дорогу. Я там живу.

— А-а-а. Рядом с академией Генштаба. У вас закаты красивые. Всегда внимание обращал.

Капец! Закаты красивые!

— Мне светская беседа с тобой неинтересна. Избавь от своего общества меня немедленно!

— Алин, — тяжело вздыхает. — Я правда сожалею, что так получилось. Мне никак нельзя было получать административку. И уж тем более огласку. Я понимаю, что у тебя

ножка болит и ты понервничала, но я компенсирую. Обещаю. Проси всё, что хочешь! Сертификат в ЦУМ. Выходные где-нибудь. Предлагай.

— Сертификат в ЦУМ? Ты оценил мою жизнь в сертификат ЦУМа? Мда-а-а-а. Довези меня до дома, коль вызвался, и сгинь! заметишь меня в академии, будь добр, сделай так, чтобы я тебя не видела! Всё! Это лучшая компенсация!

— Моё дело предложить, — отворачивается парень и начинает сдавать назад. В этот момент я смотрю на его огромный экран и вижу, что на нём просто нереально не заметить человека. Там всё подсвечивается, питит и стрелками регулируется.

Единственное, всё на китайском, но и ребёнок разберёт.

— И как это понимать? — Прелезаю в проход между передних кресел и тычу в дисплей.

Оказавшись рядом с его шеей, перестаю дышать. Фу! Как пахнет вкусно!

— Что именно? — Парень тормозит и поворачивает голову ко мне, и мы оказываемся непозволительно близко друг к другу. Зависаю и рассматриваю его лицо. За что мальчикам

дана такая кожа чистая, без пор? А ресницы ему такие густые зачем? Моральный урод не должен обладать такой внешностью. Это обман природы!

Отстраняюсь назад, как от прокажённого, и пытаюсь собрать мысли воедино.

— Твои датчики. Парктроник! Как ты мог наехать на меня?

— Хочешь провести следственный эксперимент? Вот так, — Платон продолжает движение, и я понимаю, что машина очень-очень тихая и нет, она не быстрая. Она молниеносная. — Я не привык к ней. Не рассчитал правильно скорость. Она сбросила, когда тебя увидела, но чуть-чуть тебя задел. Прости ещё раз, Алин. Уверяю, я не собирался калечить такую красивую девушку. Да вообще любую.

Он меня красивой назвал? Так, Полина!

Но я ему верю. Это что-то запредельное. Ускорение на грани фантастики.

— Значит, не надо ездить на таких машинах, если управлять не умеешь! Да ещё здесь всё на китайском, — машу на экран, — ничего не разберёшь!

— А что тут разбирать? — Удивляется парень.

— Китайский!

— Я всё понимаю. Я прекрасно им владею.

— Китайским языком?

— И не только китайским. Я в целом хорошо владею своим языком, — самодовольно сообщает и с насмешкой смотрит на меня.

— За дорогой следи! — Рывкаю на него, дожидаясь, когда он отвернётся, и прикладываю ладони к горящим щекам. — Можешь записать себе плюсик в карму за китайский.

— Плюсик? Кто сейчас не знает китайский?

— Я! — Напарываюсь на его удивлённое лицо в зеркало заднего вида и пытаюсь оправдаться. — Примерно все, кто не являются китайцами!

— Начни учить, пупсик. Лишним не будет.

— А тебе не будет лишним прекратить меня так называть! Сам ты пупсик!

— Ну вот видишь, у нас уже ласковые прозвища есть. Осталось подружиться.

— Никогда. Больше. Не хочу. Тебя. Видеть! — Цежу. Я всеми фибрами души не перевариваю этого парня. Сочувствую его семье.

— Всё, потерпи буквально минуту, пупсик. — Останавливается у заезда на территорию дома. — Как заехать?

Блин, а никак. Карту мне так и не выдали, потому что этим должен был заняться дядя Коля, а Алина ему не напомнила, ей же не надо, она в Амстердаме. А у меня только магнитный ключ от калитки.

— Останови тут, я сама дойду.

— Ножку об асфальт сотрёшь.

— Ножку я уже об твою бричку стёрла!

— Бричку, — смеётся. — Откуда ты такая свалилась на мою голову?

— Я? На твою голову? — Говорю уже в пустоту, потому что парень идёт открывать мне дверь.

— Иди на ручки, пупсик, — раскрывает дверь и свои объятия.

— Я так дойду!

— Советую всё-таки по-хорошему.

Закатываю глаза и даю себя взять на руки, как невесту.

— Уххх, тяжёленькая, — Выпрямляется парень со мной.

— Экскюз ми? — Таращусь на него поражённая. Как можно быть таким хамом. И снова задерживаю дыхание. Не хочу его нюхать и признавать, что мне нравится. — Качаться надо!

— Я качаюсь. Потрогай меня.

— Вот ещё!

Не собираюсь с ним больше разговаривать и, подтверждая свой статус невежи, тыкаю пальцем во вход.

— У меня тут больная! — Бросает охраннику на КПП и проходит через шлагбаум.

Заносит меня гордо в подъезд и здоровается с консьержкой.

— Полечка! Что случилось? — Выбегает из-за своей стойки Нина Алексеевна.

— Да не переживайте! Поцарапалась. Всё хорошо!

— Бедная девочка! Поправляйся, Полин!

— Спасибо, Нина Алексеевна!

Платон улыбается консьержке и проходит к лифту.

— Нажми, — командует, — мне неудобно. Вдыхаю и послушно вызываю лифт. — Полечка?

Блиииин. Я даже не задумалась.

— У неё деменция, наверное. Никак не может запомнить.

— Тогда бы она тебя вообще не помнила. Деменция в лёгкой стадии начинается с утраты кратковременной памяти, — умничает гадёныш.

— Не знаю! — Тут же завожусь. — Склероз! Путает!

— Ну, допустим.

Фух. Когда этот день закончится? Алина, Алина! Сейчас позвоню ей и устрою такую взбучку! Боюсь, он по моему колющемуся сердцу всё прочухает.

— Всё! Можешь меня поставить! Здесь чистые полы!

— Донесу до квартиры, — безоговорочно заявляет, и мне приходится опять пальцем тыкать.

— Спасибо! — Наконец оказываюсь на своих двоих.

— Поставьте пять звёзд в приложении и оставьте положительный отзыв, — раскланивается и, слава Богу, уходит!

Отпираю дверь, запираю тут же на все замки и сажусь на пуфик у входа. Я вымотана. Даже руки мыть не хочу и в туалет перехотела. Восстанавливаю дыхание и пытаюсь осознать, что всё закончилось. Всё хорошо! Меня пронесло!

Впервые рассматриваю свою ногу и решаюсь снять пластырь. К моему удивлению, это и царапиной назвать сложно. Дотрагиваюсь до ранки и обнаруживаю, что немного щиплет.

Встаю, прохожусь по холлу. Ничего. Будто придумала всё это. Даже намёка на дискомфорт нет. Но она же болела! И болела сильно! Бред какой-то!

Смотрюсь на себя в зеркало с неверием и вздрагиваю от звонка в дверь. Открываю не глядя в камеру и снова лицезрею этого кретина.

— Чего тебе?

— Ботинок отдать забыл, — улыбается и протягивает мне мою потеряшку.

Глава 7

То есть этот придурок мог мне сразу отдать ботинок, но вместо этого таскал меня на руках? Кретин!

Хватаю ботинок и швыряю в него. Парень обладает какой-то сумасшедшей реакцией и уворачивается, хохоча на весь коридор. От обстрела он смог уйти, а избежать столкновения не смог! Гад!

— Пупсик, ты мне мою бабушку напоминаешь! — Мажор подбирает моё оружие и протягивает обратно.

— Бабушку? Тоже такая же тяжёленькая? — Упираю руки в боки. Кажется, у меня сейчас пар из ушей повалит.

— Такая же строптивая. Знаешь, как женскую истерию лечили в девятнадцатом веке? — Усмехается и внимательно смотрит на мою раненую ногу. Завожу её за здоровую, пряча. Пусть муки совести его замучают!

— Нет! И знать не хочу! Только попадись мне в академии! А увижу твой драндулет гуанчжоуский ещё раз, оболую вальерианкой и пшеном посыплю! Понял?

— Ну точно бабуля! — Ржёт и хватается двумя руками за свою заумную голову. — У тебя там молния разошлась на ботинке. Успокойсь. Напиши. Пи-Эл-Ти-Эн в телеге, обсудим возмещение ущерба. — Раскланивается и произносит что-то еле различимое. На китайском, что ли? Позер жеманный!

Дожидаюсь, когда его лифт унесёт окончательно, и захлопываю дверь. Я бабуля строптивая? Придурок!

Первым делом ставлю телефон на зарядку и иду мыть руки. Трясёт всю от эмоций. Это же надо быть таким бесячим.

Отдраить всю квартиру, чтобы успокоиться, полежать в ванной или Алине задать как следует? Её дурацкая идея!

Вытираю руки и бегу звонить. Больше я учиться за неё не намерена. Пусть как хочет, так и выкручивается. Завтра первой электричкой уеду. К чёрту!

Ставлю на громкую и нарезаю круги по гостиной, она как назло не отвечает, хотя в сети была пятнадцать минут назад. После пятой безуспешной попытки забиваю, беру телефон и решаю ванну принять. Всё-таки нервишки у меня не в порядке. Если я не научусь справляться со стрессом, то так и не сдам ЕГЭ больше чем на девяносто.

Залезаю в горячую пенную ванную, и прорывает. Лежу, реву и понимаю, что вся эта затея — полный провал. И не для Алины, для меня. Её отругают и простят, ну, может, работать отправят, а я?

Я понимаю, что моё детство кончилось. Не получится делать вид, что у меня всё хорошо, и проживать чужую жизнь. Было классно. Прошедшие две недели затянули меня в круговорот жизни. Так много новых знакомых, впечатлений, опыта, но всё Пора в суровую реальность.

Можно считать, что мой отпуск закончился. Пожила в красивой девичьей квартире, поучилась в офигенной акаде-

мии, пора и честь знать.

Уговариваю себя потерпеть годик, пройти через все трудности, наконец столкнуться со своей потерей лицом к лицу и начать жить свою жизнь. Обнимаю сама себя и погружаюсь с головой в воду.

Если откинуть всю шелуху, то и здесь мне очень одиноко. У Мезенцовых я была в привычной обстановке, и там очень ощущался уход мамочки, но здесь ощущается моё капитальное одиночество. СИ-РО-ТА.

Красивые закаты Красивые, только я садилась у окна, смотрела на бесконечный трафик, людей, жизнь за стеклом и осознавала, что я тут абсолютно одна. Некому позвонить, некого обнять.

Лучше бы он сбил меня, к маме бы вернулась.

От этой мысли рыдания подступают, и я впервые себе их разрешаю. Шестидесят девять дней держалась.

Обещала себе не жалеть себя, но сегодня...

Это не просто авария, не просто инцидент. Это показательная подсветка мне. Чтобы осознала всё, приняла и взялась наконец за свою жизнь.

Вылезаю уже из холодной ванны, надеваю халат и иду заваривать себе успокаивающий чай. Может, усну, проснусь утром, и не будет так жалко себя.

Включаю телевизор, не могу выдержать эту оглушающую тишину, и грею руки об чашку. Грустно смотрю на розово-оранжевое зарево за панорамным окном и вздыхаю. Твои

закаты не омрачены опустошающей болью, Платон Пастернак. Вот тебе и красиво.

Знакомый рингтон возвращает меня в реальность. Ожидаемо Алина.

— Полька, ну чего ты обтрезвонилась? Привет! Я на велосипеде в Сефору ездила. Амстердам такой классный. Знаешь, совсем другое дело, когда приезжаешь на пару дней и живёшь в городе. Я так счастлива! Сама себе завидую!

Алина, как всегда, гипертонически возбуждена и болтает без остановки. Испытываю какое-то чувство вины перед ней. Будто я специально и ей жизнь порчу, и ей запрещаю радоваться. Понимаю, что уже никакую взбучку ей не закачу. Неудобно.

— Алиш, я звонила, чтобы сказать, что меня сбила машина. Меня увезли в полицию и хотели повесить на меня автотопдавы с целью вымогательства. Чуть не раскрылся наш подлог. И куча всего ещё. Я завтра к деду уеду. Я не могу. Прости.

— Божееее! Ты где? В больнице? Я вылетаю!

— Да нет-нет. Я в порядке. Всё обошлось. Царапина.

— Царапина? — Недоверчиво спрашивает.

— Да.

— И в чём тогда трагедия?

— Как в чём? Всё в любом случае вскрыется. Знаешь, меня отпустили благодаря твоему папе. А если бы они узнали, что я это я? Да я бы уже в СИЗО была.

— Не узнали же.

— Алин. Я серьёзно! Ты даже не понимаешь! Меня сбил Платон Пастернак. Тот самый.

— Это ещё кто? Ты же знаешь, я за тик-токеров не шарю.

— Алин, — смеюсь. — Сын Александра Пастернака. Адвокат.

— Ноунейм вообще, — фыркает Алина.

— А мама у него пресс-секретарь МИДа.

— А! Реально? Эту бабу знаю. Ща загуглю, сек. Ну и чего он?

Бабу

— Он заявил, что я бросилась к нему под колёса, чтобы спонсора найти! Так и сказал! Они бы меня в фарш перекрутили, если бы не обошлось. Витька Отчаянный пришёл на спасение.

— Воот! Видишь, как всё здорово! — Смеётся Алина. — Поль, история не знает сослагательного наклонения. Всё, ничего не случилось. Забей!

— Легко тебе из Амстердама вещать.

— Слушааай, — слышу по голосу Алины, как она вся переполнена восторгом. — Может, надо было начать с того, что он красивенький? Я бы к такому и сама бросилась. Уже представляю, как он меня трясёт, пытается привести в чувства, а потом на руках несёт в неотложку.

Да уж Романтичненько.

— Он гаденький. Меня эта оболочка не интересует. Души нет. И вообще он такой противный. Таких поискать ещё на-

до. Серьёзно.

— Ой, свежо предание, а верится с трудом. Ага! Гаденький твой Максим, который слил тебя, как только маме диагноз поставили.

Да уж. Это точно. Вспоминаю его слова: «Ты слишком много ноешь. Мне к ЕГЭ готовиться надо, а не выслушивать целыми днями этот негатив», и сердце покалывает начинается. Все страшные эгоисты.

— Не напоминай, пожалуйста. Ну в общем, Аль, всё. Спасибо тебе огромное за всё, но я больше не могу. Надо возвращаться в реальность.

— Поолечка, моя хорошая, умоляю тебя, не горячись! Ты же сама мне все эти дни рассказывала, как тебе классно. Ну! Я даже тебе завидую чуть-чуть. А как же посвящение? Ну ты чего? Ничего не будет! Это ерунда!

— Ладно, я подумаю, — даю слабинку. Зря презентацию что ли делала? Хотя бы сдать надо. И французский завтра. Классный препод там.

— Ну и чем всё закончилось-то с этим Платоном? На чём разошлись?

— Ну, он предлагает обсудить возмещение убытков. Представляешь, решил сертификатом ЦУМа откупиться!

— А ты чего?

— Послала его, чего-чего.

— Тебе не надо, мне надо! Бери!

— Нет, я сказала, чтобы больше ко мне не приближался.

Увидит в холле, пусть обходит стороной!

— В каком холле?

— В академии.

— Написано, что в МГИМО учится.

— А что он тогда у нас делал?

— Платоша, а что ты делал в РаНХИгСЕ? Меня судьба вела навстречу моей Полиночке, — разыгрывает спектакль Алина по ролям и думает, что это смешно.

— Вот и славненько. Больше эту морду надменную не увижу!

— О-о-о-о. А кто-то у нас запал. Морда надменная. Морда у него элитная. Бери компенсацию и подкати. Шанс с таким мальчиком познакомиться раз в жизни выпадает. Ну, может, три. Короче, не раскидывайся!

— Совсем что ли? Всё! Забыли это имя! Видеть его больше не хочу! Слышать тоже! Он ещё и хам отборный. Сказал, что я тяжеленькая!

— Тааак. Он тебя что, на руках всё-таки носил? — Визжит Алина, и слышу, как хлопает в ладоши. Вот дурная!

— Да, — сконфуженно отвечаю. — До дома донёс.

— Всё мне понятно, — смеётся. — Лавстори быть! Он запал!

— Да он уже забыл! Уверяю, у таких парней нет ни совести, ни сострадания, ни чести, ни-че-го!

— А-а-а! — Снова оглушительно визжит Аля. — Не забыл! Пишет мне в директ. Блин! Блин! Блин! Не грузится сообщение! Ща-ща!

У меня сердце уходит в пятки. Нашёл её реальную страницу? Мы же специально создали для одноклассников фейковую. Но только в ВК! Блииин!

— У тебя закрыта страница?

— Да! Не парься! Сейчас напишу, что ошибся! Открываю!

— А что пишет?

— Пупсик, ты как? Как ножка? Завтра подъеду на большую перемену. Любой твой каприз, — с интонацией зачитывает Алина. — Пупсик? Он назвал тебя пупсиком? Поля! Это разъёб!

Глава 8

— Алина, — строго приказываю подруге, — даже не смей ему отвечать. Кидай в спам и пожалуйся на его аккаунт!

— Не-а-а-а-т, — хохочет Алина. — Ты флиртовать не умеешь, а я сейчас за час его соблазню, и завтра вы уже встречаться будете.

— Алина! Включай демонстрацию экрана и при мне блокируй его. И на аккаунт пожалуйся! — Повышаю тон и требую послушания.

— Да сейчас! Уже отвечаю!

— Алина! Если ты сунешь свой нос не в своё дело, я сейчас же позвоню твоей маме и всё расскажу!

— Да ну тебя! — Растроенно цокает Алина, и даже расстояние в тысячи километров даёт мне прочувствовать степень её разочарованности.

— Включай демонстрацию! Я жду!

Под моим чутким руководством Алина заносит аккаунт

этого гадёныша в чёрный список и кидает жалобу за спам, и только после этого я успокаиваюсь. Каприз он исполнит.

— Знаешь, — хитренько говорит Аля, — это работает в обе стороны. Так что забудь про свой Малоярославец и учись. Папа обещал мне новый айфон, если я войду по рейтингу в топ десять нашей группы.

— Может мне ещё в КВН вступить?

— Ну, Поля! Всё равно тебе делать нечего.

— Всё! Аревуар! Пошла к твоему французскому готовиться!

— Я бы на твоём месте готовилась к французским поцелуям с месье Пастернаком, — хихикает Аля.

— Озабоченная! — Сбрасываю звонок и выдыхаю. Вот дурища!

Одни мальчишки на уме. Это же надо было умотать к иностранцу в чужую страну и город, которого знаешь всего две недели. И такую афёру замутить. А её родители в Иране ни о чём и близко не догадываются. Ой, Алина, Алина!

Чтобы всё-таки снять стресс, я решаю убрать квартиру и подхожу к делу с особым усердием. Но отчего-то постоянно бегаю к телефону и проверяю уведомления. Сама себе не могу объяснить, что я ожидаю, но чего-то явно жду.

##

Утром тщательно собираюсь на пары и даже делаю укладку. Чем хуже я буду выглядеть, тем больше меня будут жалеть и напоминать об инциденте с этим голден ретривером. А если я приду красивая и здоровая, все забудут обо мне. Да и лишняя эмпатия и внимание чреваты сближением, а я боюсь с кем-то подружиться.

Со всей группой у меня сложились ровные и дружелюбные отношения, но не более. В феврале я их покину, и с этой установкой я и прихожу на пары. Хотя Ася мне очень импонирует и иногда хочется принять участие в активностях, в волонтерстве, но увы. Мне надо придерживаться сценария.

Однако всё равно каждый подходит ко мне и интересуется о самочувствии. Больше всего меня трогает жест Араика, который принёс мне домашнюю пахлаву. А Ася купила прикольные пластыри с рисунками.

Такая дружная группа — настоящее сокровище, и я заранее начинаю по ним скучать.

Они делятся со мной всеми подробностями вчерашнего и рассказывают, как они меня отбивали и давали показания против этого слизняка.

— Знаешь, что самое возмутительное? — Подсаживается ко мне Ася.

— Что?

— Ни один пост в подслушку не пропустили!

— Правда? Я совсем забыла про неё и не заходила.

— Я самолично кидала посты с фотографиями, диалогами, не пропустили! И Маша с Юлей кидали, ноль, зеро!

— Этот слизняк привилегированный блатной. Он сын лучшего адвоката во всей стране, наверное, и Екатерины Архаровой из МИДа, — многозначительно смотрю на одногруппницу.

— Я уже всё про него знаю, — докладывает Ася, — и что он делал у нас, тоже. У меня брат учится с его друзьями на третьем курсе. Этот Платон дружит с нашим сыном олигарха

— Владом Ананьевским и каждый понедельник здесь обедает. Влад раньше был на третьем курсе, сейчас на втором. Ну, в общем, поговаривают, что он наш будущий президент. Поэтому здесь и учится.

— Студенческого совета?

— России!

Ясно. Рептилоиды вошли в чат, а я думала, что Ася прикольная. Но нет, я по всей этой теории заговоров не тащусь и поддерживать эту бредовую беседу более не намерена.

— М-м-м-м! Ясно! — Улыбаюсь Асе и стараюсь сосредоточиться на занятиях, но препод пару не начинает, потому что стоит и болтает с какой-то блондинкой. Она явно его о чём-то упрасивает, наверное, о пересдаче. — Ну, это нормально? Уже десять минут прошло! Неужели нельзя о пересдачах после учебы договариваться?

— Какие пересдачи? Это Ника Овсянникова! Вот она как раз баллотируется в президенты студенческого совета. Я буду за неё голосовать. О, кстати, она тоже подружка этого Платона. Она из той золотой компашки, — докладывает мне Ася.

Да сколько можно? У меня скоро аллергия начнётся на это имя!

Мысленно гипнотизирую доцента, чтобы он уже наконец начал пару, и с радостью отмечаю, что разговор с этой девушкой окончен. Она благодарит Артемия Иосифовича и радостно кого-то зазывает в аудиторию.

Открываю учебник на айпаде, поднимаю голову на кафедру и в ту же секунду закрываю глаза. Что за чертовщина?! Нет, это галлюцинации!

Я, наверное, всё-таки стукнулась головой. Медленно считаю до пяти, распахиваю веки и обламываюсь. Платон Пастернак в нашей аудитории собственной персоной!

Начинаю медленно съезжать по стулу вниз, чтобы он меня не увидел из-за спин студентов, но мои одноклассники радушно указывают ему на моё место, и он с широченной улыбкой начинает подниматься к нам с Асей на ряд.

— Привет, пупсик! — Садится рядом.

Слов нет! Если я узнаю, что это Алина меня слила, я все её косяки родителям расскажу, начиная с восьмого класса!

Показательно игнорирую личность, которую ненавижу всей душой, и поднимаю руку.

— Да? — Реагирует преподаватель.

— Артемий Иосифович, извините, я плохо вижу. Могу ли я пересесть?

— Быстрее!

Собираю свои вещи и спускаюсь на первый ряд, где битком.

Всю пару чувствую, как мой череп кто-то отчаянно сверлит взглядом. Догадываюсь кто, и держусь изо всех сил, чтобы не развернуться и не послать его взглядом в пешее эротическое.

Но больше всего меня возмущает то, что он принимает активное участие в семинаре и то и дело переговаривается с преподам. И надо отдать должное, звучит этот слизняк как носитель. Языком он владеет!

Хорошо, что меня не спрашивают и не втягивают в обсуждения, ибо мой мозг соображать отказывается и генерирует исключительно ругательства в сторону парня. Неужели эта

студенточка упрашивала Соловьёва пустить её дружка к нам на пару? Она вторая в списке моих вражин! Официально!

Как только семинар подходит к концу, вскакиваю, расталкиваю всех и вылетаю из аудитории.

В холле, как назло, столпотворение, и мне приходится замедлиться. Первый раз позволяю себе обернуться и сразу наткаюсь на довольную морду приторного полиглота. Он машет мне и абсолютно невоспитанно всех расталкивает, пробираясь ко мне.

Втапливаю и удираю от него, намереваясь затеряться среди толпы.

— Пупсик, стоять! Мы не договорили, — нагоняет меня и хватает за локоть.

— У тебя со слухом проблемы? Я тебе, по-моему, громко, чётко и ясно сказала держаться от меня подальше и не попадаться на мои глаза!

— Да что же ты бешеная-то такая?

— Я бешеная? Платон, ещё раз я тебя увижу, и клянусь тебе, я пюре проверну из твоего корня Пастернака!

— Вот это эвфемизм! — Парень усмехается и смотрит на меня с потехой. — Так мне ещё минет сделать не предлагали!

— Хамлю мгимошное! — Выхожу из себя и замахиваюсь, чтобы дать ему сочную пощёчину.

— Истеричка неадекватная! — Абориген перехватывает мою руку, его серые глаза темнеют, и я не успеваю опомниться, как он дёргает меня на себя и сталкивает нас губами, носами и лбами.

Глава 9

Вспышка! Разряд! Кровь закипает. Везде этот неповторимый, ни на что не похожий запах, резко проникающий в рецепторы, чрезмерно мягкие губы и что-то тёплое, густое. Солёное, металлическое. Кровь!

— Holy shit! — ругается пугало неотёсанное, как джентльмен английский, и отстраняется от меня.

Ну точно позер! У меня в голове только отборный русский мат, а у него «Холли щит»! Тьфу ты!

Смотрю на него волком и пячусь назад. Подношу ладошку к носу, понимаю, что кровь не моя, а его, и дурно становится. Еще и измазал меня! Поцеловать и то нормально не может! Вопросы отпали, он просто криворукий болван!

Парень достаёт платочек и вытирает свою кровищу. Платочек! Кто сейчас ходит с платками? А! Платончик!

Его шёлковая тряпочка в доли секунд становится багровой, и он растерянно смотрит на меня, пока я вытираю лицо и руки влажными салфетками. Навязчивый запах ромашки стирает все следы засранца с моего тела, и я уничижительно на него смотрю. Так тебе и надо, зализанный нахалюга!

На его наверняка кашемировый пиджачок и белые брюки капает кровь, и я понимаю, что мы квиты. У меня ещё и фора. Его шмотьё дорогущее, даже не сомневаюсь, что это «Брунелло Кучинелли», так что мои ботинки удовле-

ны. Они отомщены! Смыл кровью свою вину, буквально!

— Ты не могла бы дать мне салфетки? — Жалобно спрашивает парень, а его кровь щедро заливает пол.

— Сядь и запрокинь голову, — приказываю и подхожу к нему. — Не смей меня трогать!

— Спасибо! — Вся его решимость, нахальность и заносчивая самоуверенность испарились, и он смущается.

Протягиваю ему салфетки и понимаю, что они его не спасут. Даю ему вытереть себя и достаю тампон из сумки.

— Дай помогу, — преодолевая себя, дотрагиваюсь до его лица и с трудом ввожу тампон в его породистый нос. — Так-то лучше! Сейчас воды наберу в кулере.

Парень с недоверием трогает свой нос и явно удивляется, когда понимает, что находится в его носу. Закатывает глаза и откидывается на диван. Аж побледнел бедный. Будет знать, как свои конечности распускать!

Возвращаюсь со стаканом воды и обнаруживаю, что мой тампон уже весь красный. Блин! Сейчас так и истечёт весь. Непредумышленного мне только не хватало!

— Надо поменять тампон, — вынимаю из его носа затычку и морщусь, когда вижу сгустки крови. Выкидываю мерзость в урну и вставляю новый. Скорую что ли вызвать? — Вот так. Ты как? В сознании?

— Да всё нормально! Бывает. В десять лет мне на гольфе разбили нос, и с тех пор он довольно хрупкий, — оправдывается Платон и поднимает на меня взгляд. — Что смешно-

го? С каждым могло случиться.

— Не с каждым! У меня вопрос.

— Слушаю, — предельно серьёзно говорит.

— Почему у тебя кровь красная?

— В смысле?

— Была уверена, что голубая. Проверила, ан нет, обычный. Наш.

Парень начинает смеяться, и у него из носа какое-то конфетти из кровяных брызг при этом летит.

— Прости, — смеётся ещё больше, потому что теперь и на мою блузку попадает. — Я всё компенсирую. Куплю тебе новую. И тампоны тоже. Неудобно получилось!

Господи боже! Какой же он бедовый! Тампоны он купит. Ещё чего не хватало!

— Мы в расчёте, — протягиваю ему третий на замену.

— Нет, так не пойдёт! Почему ты не написала?

— Потому что мне ничего от тебя не надо. Заруби себе это на своём хрупком носу!

— Мы теперь скреплены кровью, пупсик, — улыбается, и я тоже не могу сдержать улыбку. До чего он комичный с этим тампоном. — Ну же, давай, соглашайся!

— На что? — Устало спрашиваю. Меня реально уже утомил этот парень. Злость и раздражение к нему как-то поухили из-за его бедственного положения, но вот его настырность раздражает.

— На свидание, — пожимает плечами.

Совсем сдурел что ли?

— Свидание? Я надеюсь, это наша последняя встреча!

— Одно! Я закрою все свои долги. Успокою свою совесть и оставляю тебя в покое. Если тебе не понравится, конечно.

— Никаких свиданий! — Вспыхиваю. Понравится мне. Ага! Как же!

— Почему? Я тебе так не по душе?

— Да! Я сапиосексуал. Полоумные позеры меня не интересуют.

— Ты по адресу, — играет своими бровями и совершенно не реагирует на мой выпад. Самоуверенный экземпляр!

— Всё! Прощай! У меня пара по философии в другом корпусе. И так опаздываю уже из-за тебя!

— Что проходите? — Подрывается с дивана и подходит ко мне.

— Аристокла, — на автомате отвечаю и направляюсь к выходу.

— Аристокла? Нужна будет помощь с Платоном, ты знаешь, к кому обратиться, пупсик, — подмигивает. — Где пара? Давай подвезу.

Ловелас недоделанный. Закатываю глаза и всё-таки усмехаюсь комичности. Везде меня окружает Платон. Надо в аптеку зайти за антигистаминными.

— Пока! — Решительно прощаюсь и выхожу из кампуса.

Быстро ориентируюсь, как мне добежать до другого корпуса, и направляюсь к злосчастной парковке. Чувствую, что

этот немощный следует за мной по пятам, и неприязнь снова начинает нарастать.

— Пупсик! — окликает меня, а я уже придушить его готова за это обращение.

— Я П... — вовремя затыкаюсь и останавливаюсь, как вкопанная. — Что? Ну что? Оставь меня в покое! Молю!

— Позволь загладить свою вину. И за сегодня тоже. Одно свидание. Без каких-либо поползновений с моей стороны. Исключительно платоническое общение, — улыбается, думая, что это забавно. — И всё! Иначе я буду на каждую пару приходить. От меня не скрыться.

Это действительно проблема. Он знает, где я живу. Знает, где я учусь. Да ещё и приходит на пары, как к себе домой. А если он чего доброго не успокоится и меня раскроет?

— Ладно! Я напишу!

— Пиши прямо сейчас. Пи Эл Ти Эн, жду.

Вздыхаю, забиваю его ник в поиске и отправляю стикер.

— Доволен?

— Очень, — улыбается. Достает брелок от машины и подходит к чёрной бмв.

— А где твоя телега китайская?

— Она плохо себя вела, мы не подружились, — улыбается.

— Жаль! На БМВ только придурки ездят!

— Хамло ранхигсное! — Отправляет мне воздушный поцелуй и садится в машину. — Напишу!

Глава 10

Приезжаю уставшая после пар из другого корпуса на севере Москвы и заваливаюсь на диван. Алину отправили в этот вуз, зная, что она не очень старательная, мягко говоря, ученица, а оказывается, нагрузка конкретная. Шесть раз в неделю занятия, хорошо хоть два дня на дистанционке.

Возможно, я очень ответственно подхожу к чужой учёбе, и нужно меньше усердий прилагать, но мне учёба очень нравится. Единственно, я меньше, чем следовало бы, уделяю времени своей подготовке к ЕГЭ. После случая с ДТП я планировала лучше вникнуть в правовые вопросы, но пока это только в планах. Я устаю.

Неоспоримый плюс, конечно, в этом есть. Чем больше дел, тем меньше времени для уныния, а потому я себе расслабляться не позволяю.

Немного отдохнув, переодеваюсь в спортивную форму, раскладываю коврик у окна и приступаю к йоге. Это час отдыха души и тела.

Мой покой нарушает рингтон, и я вздрагиваю. От противного мажора три дня никаких вестей. Не сказать, что жду этого вынужденного свидания, но он же обещал. Подхожу к телефону и с разочарованием и одновременно с облегчением принимаю звонок от Алины.

— Привет! Я тебя на громкую поставлю. Я растягиваюсь,

— предупреждаю подругу и возвращаюсь к занятию.

— Шпагаты тянешь для своих не платонических отношений? — Подкалывает меня Аля.

— Иди на фиг! Прекрати его приплетать постоянно. И вообще от него ни слуху ни духу. Воздухан! Убедился, что я успокоилась, и слился. Ну неудивительно.

— А может он нос свой лечит?

— Полагаю, его критические дни уже закончились. Так что это просто слив.

— Слышу нотки разочарования, — смеётся Алина.

— У тебя проблемы со слухом. Ты слышишь только то, что хочешь. Не пишет и замечательно. Мне же легче, не придётся терпеть его общество.

— Ой-ой-ой! Прекращай выпендриваться! Ты запала!

— Чушь! — Буркаю и меняю позицию.

— Ещё скажи, что ни разу не думала о его корне Пастернака, — продолжает стебаться Алина.

— Я в отличие от тебя думаю только о корнях квадратного уравнения. Мне математику повторно сдавать.

— Ой, душнила! Ладно, коль у тебя нет вестей, я пошла. Скучно с тобой!

Алина отключается, и я ложусь плашмя на коврик. Раздражает её озабоченность. Что за повёрнутость на парнях?! Будто больше ничего интересного нет в жизни. Хоть раз бы спросила про свою учёбу. «Платон, Платон, Платон!» — звучит из её уст каждый день. Сама она запала. Он ей уже в де-

сять раз интереснее, чем её Филипп.

Точно! Платон! Надо презентацию доделать.

Сажусь за философию, изо всех сил борюсь с раздражением на имя мыслителя и в итоге вожусь с элементарным заданием намного дольше положенного.

К десяти вечера уже настолько измотана, что запускаю стирку и, не дожидаясь завершения, ложусь спать.

Просыпаюсь с каким-то небывалым приливом сил и решаю сразу встать. Сегодня единственный полноценный выходной, и надо сделать кучу дел и желательно всё-таки отдохнуть. Хотя бы погулять. Ася звала в Лужники, и я размышляю, согласиться или нет. Наверное, всё-таки да. Там какой-то классный парк построили в рамках фестиваля «Москва-2030», и нам чуть ли не домашним заданием задали его посмотреть.

Беру телефон ей написать, и сразу настроение падает.

— Пупсик, прости, что не писал. Был в деревне без связи. Завтра возвращаюсь в город. В два за тобой заеду.

В смысле, в два он за мной заедет? Это что вообще за дела такие? А моё мнение спросить? А может я тоже в деревне. А может я не могу или банально не хочу.

Пересылаю сообщение Алине с эмодзи «фейспалм» и не спешу с ответом. Самое правильное будет минут за двадцать написать, что я занята. Так и сделаю!

Снимаю отметку с сообщения о прочтении и на всякий случай выхожу из телеграма. Всё, я оффлайн и недоступна

для этого бесполезного овоща.

Включаю на телевизоре сериал фоном и принимаюсь за завтрак.

Погладив всё бельё, разобравшись со всеми конспектами и убравшись, понимаю, что ещё только двенадцать часов, а я уже весь план на воскресенье выполнила.

Чёрт! И про Асю совсем забыла. Мне всего-то нужно зайти в мессенджер и написать однокласснице, а ощущение, что мне нужно проشمыгнуть мимо этого вездесущего мажора.

Только открываю приложение, от него прилетает сообщение с пятью вопросительными знаками. Это что за приколы? Так учат общаться наших представителей на международной арене? Абориген! В который раз убеждаюсь

С опаской поглядываю на его сообщение и не знаю, что делать. И как назло в этот момент звонит Алина.

— Ну что там у тебя? — Интересуется с пристрастием.

— Написал, — сообщаю загробным голосом. — Говорит, что в два заедет. Я не собираюсь выходить. Он меня даже не спросил. Я занята.

— А-а-а-а-а! — Визжит, — как чувствовала! Знаешь, прям проснулась со стойким ощущением, что у вас сегодня свидание! В чём пойдёшь? А куда сказал?

— Ты меня слышишь вообще? Никуда я не пойду!

— Он просто придёт домой. А потом будет ходить на все твои пары, он же уже сказал. Сходи. Поешь в ресторане.

Сложно что ли?

Резон в её словах есть. От этого неадекватыша можно что угодно ожидать. Лаконично отвечаю ему, что в два я свободна, и иду нехотя собираться.

Даже не собираюсь прикладывать усилия. Никакого макияжа, никакого парфюма, никакой укладки. И уж тем более никакого особенного образа.

Оказывается, одеться намеренно буднично оказывается сложнее, и я заморачиваюсь не на шутку. В итоге надеваю белые джинсы, серый свитер и кеды. Я бы так в супермаркет пошла. Всё! Большого он не заслуживает!

Для уверенности беру в Алинином гардеробе сумку «Дизель». Хотя что-то у меня должно быть модное.

В лифте по привычке наношу на губы плампер и тут же жалею. Блин! Они будто кричат, что я их намалевала, чтобы его на поцелуи провоцировать! А если сейчас сотру, губы распухнут, и я буду выглядеть, как зацелованная. Еще хуже

Выхожу за территорию дома и осматриваю припаркованные машины. Ещё и опаздывает. И кто тут невоспитан?

— Пупсик! — Вылезает довольная морда из «Порше» цвета кофе. Подобрал себе наконец-то тачку, такую же прилизанную, как и он.

Позер выходит из машины и открывает мне дверь, приглашая. Он тоже не заморачивался. Приехал в спортивном костюме. Он, конечно, не из футера, а трикотажный, чтобы лишний раз его статус мажора подчеркнуть, однако выгля-

дит он сегодня расслабленнее.

— Привет! — Сажусь в салон. — Тебе что, дарят машину за каждую сданную сессию?

— Нет! Ни разу не дарили. Это моя. Коль на БМВ ездят только придурки, а Зикр я водить, по-твоему, не умею, выбрал классику. Нравится? — Улыбается и выезжает со двора.

— Это последнее, о чём я задумываюсь. Куда едем?

— Смотрю, ты до сих пор наэлектризована, пупсик, — поворачивает на меня голову и смотрит внимательно. — Это сюрприз.

— Останови! Мне сюрпризов от тебя хватило! Даже боюсь представлять, что ты на этот раз выкинешь, — меня просто разрывает от возмущения. Зачем я согласилась? Сюрпризы вздумал устраивать, — корнеплод культяпый!

Смотрю на него с вызовом и жду, когда он остановится. Он смеётся и притормаживает. Снова дёргается на меня, а я уже боюсь очередного ДТП с его хрупким носом и зажмуриваюсь.

— А я смотрю, тебя заводят обзывательства, пупсик? — Абсолютно беспардонно обхватывает своими лапами моё лицо, — я запрещаю тебе разговаривать, пока не приедем.

Прикладывает палец к моим губам и смеётся своими серыми глазёнками, аж ресницы длинные подрагивают. Самонадеянно. Я и укусить могу! Он быстро отстраняется, демонстративно запирает салон и газует.

Нахожусь в каком-то странном и растерянном состоянии.

Что значит он запрещает мне разговаривать? Сердце стучит, как после пробежки, и мне не по себе.

На светофоре дёргаю ручку и с досадой отмечаю, что с моей стороны нет кнопки открытия двери. Он замечает это и укоризненно на меня смотрит.

Скрещиваю руки на груди и пялюсь на облака сквозь панорамную крышу. Он даже слушает не музыку, а бизнес-FM. Скучнящий персонаж! Скорее бы эта попытка закончилась!

Заезжает в какую-то полуразрушенную промзону и паркует машину. Открывает мне дверь и подаёт руку. Принципиально вылезаю сама и не касаюсь его. Естественно, молчу, как рыба. Хотел поездки в тишине? Ну всё, я ни слова не пророню.

Тут что, какая-то кальянка бюджетная? Решил не раскошелиться?

Заходим в здание, не внушающее никакого доверия, и я в очередной раз жалею, что согласилась.

— Нам надо переодеться, — обращается ко мне Платон и протягивает нечто в прозрачном пакете. — Ну или можешь натянуть его сверху.

Также он выдаёт мне наушники и очки пластиковые. К Мезенцовым в таких приходил косить садовник. Я теряюсь в догадках

Оба натягиваем на себя убогие одноразовые комбинезоны, и я еле сдерживаю улыбку. Он похож на снеговика. Такой смешной! Оборачиваюсь и вижу в зеркале себя. Боже Я

ещё смешнее.

— Такой пупсик, — улыбается Платон и, не спрашивая позволения, берёт меня за руку и заводит в комнату за обшарпанной металлической дверью.

Включает свет и вручает мне бейсбольную биту. По всей довольно большой комнате стоят гипсовые бюсты его тёзки-мыслителя, а на старых телевизорах идут видео с его китайской бричкой. Также здесь куча ваз, старой техники и мебели.

— Это что? — Непонимающе смотрю на улыбающегося Платона.

— Это комната ярости. Это Платоны, — указывает рукой на бюсты, — думаю, тебе надо выместить всю свою злость, пупсик! Давай!

Платон отходит от меня к телевизору и с одного точного удара разносит экран. Ого, какой воинственный

Завороженная наблюдаю за его действиями, чувствую пробуждающийся азарт и нерешительно замахиваюсь на Платона.

Глава 11

Наблюдаю, как гипсовая голова разлетается на десятки, а может, и сотни мелких осколков, и испытываю абсолютный восторг. Не успеваю я осознать свои эмоции, как замахиваюсь на следующего Платона, и снова чистый кайф.

Только сейчас понимаю, что здесь очень громко играет музыка. Наверное, это панк-рок или альтернатива, я такое никогда не слушала, но как же она передаёт моё настроение.

Бросаю быстрый взгляд на Платона и не могу сдержать улыбку. Он что-то мне говорит, но я не могу прочесть по губам, а услышать его нереально. Но по его жестам и игривой мимике понимаю, что он призывает меня крушить дальше. И я крушу.

Я вхожу в раж, разворачиваясь, и с криком ярости разношу самую большую голову. С первого удара она только трескается, я вкладываю всю свою силу и наношу один удар за другим. Наконец несчастный Платон рассыпается на крошечные частички, и меня прорывает. Из глаз неконтролируемо брызгают слёзы, изнутри вырывается крик отчаяния, и я понимаю, что моя злость не к Платону. Моя злость не к его несчастному электрокару и уж точно не к Алине, это всё боль. Всепоглощающая, непроходимая и не отпускающая боль и чувство дикой несправедливости.

Я начинаю бесконтрольно колотить по посуде, бутылкам,

телевизорам и методично уничтожаю Платоньи бошки.

Я уже не сдерживаю себя. Ору, колочу и пинаю ногами для наибольшей эффективности.

За мамину боль! За её отчаяние! За невыносимую тоску в её глазах! За её непрожитые годы! За моё одиночество! За мою беспомощность! За несправедливость! — сопровождается словно тостами каждый удар.

Подхожу к огромной овальной вазе, замахиваюсь и представляю, что это голова гнусного отца семейства, что предлагал мне подружиться. Думала, придётся ходить на терапию, чтобы забыть этот эпизод, но нет, меня сразу же отпускает, и я для закрепления результата разношу следующую вазу.

Предметов всё меньше, осталась только мебель, мы переглядываемся с Платоном, он мне кратко кивает, будто мы с ним напарники из крутого боевика, и, волоча битой по полу, подходит ко мне и встаёт плечо к плечу.

Начинает играть какой-то сумасшедше дикий трек, и мы принимаемся за сервант. Платон сильный, и с ним процесс идёт намного быстрее, я скорее для добивания тут, но я смотрю на этот страшный сервант и представляю, что это гадский рак. Получай! Сдохни! Растворись! Сгинь! Мерзкая Лимфома! Ненавижу! Ненавижуууууу!

Я бью и бью, и ору несчастным раскуроченным опилкам, как я их ненавижу, и вслед за Платоном продолжаю наносить удары. У меня уже нет сил, бок покалывает, во рту пересохло, дыхание давно сбилось, но я не останавливаюсь.

Я не успокоюсь, пока всё не разнесу.

Последний комод распадается на уродливые разорванные ошмётки, и я швыряю битую на пол. У меня не осталось никаких сил, падаю на колени, а затем и вовсе ложусь на усыпанный своей болью пол и рыдаю.

Переворачиваюсь на спину и даю остаточным эмоциям выйти. Боковым зрением замечаю, что Платон ложится рядом со мной и смеётся, как чокнутый. Раздражает ли меня это теперь? Абсолютно нет. Я даже не могу осознать всё только что произошедшее, меня переполняют эмоции. Это непередаваемый спектр. Что-то с чем-то.

Я не знаю, сколько я уже лежу и рыдаю, но на смену дикости и ярости приходит покой.

Даю себе время до следующего трека, чтобы собраться и прийти в себя. Теперь я боюсь взглянуть Платону в глаза. Что он подумает? Мне придётся с ним поделиться? Мне кажется, со стороны казалось, что я одержима дьяволом. Совершенно очевидно, что у меня искалеченная душа.

— Я готова, — поворачиваю на него голову и говорю, глядя в серые глаза.

— Проголодалась? — Ловко вскакивает и протягивает мне руку.

— Да, — смущённо улыбаюсь и радуюсь, что он не фокусируется на моём состоянии.

— Что ты предпочитаешь? Куда поедем?

Он сам предлагает мне выбрать? Я думала, у него всё про-

думано

С мамулей мы каждое воскресенье выезжали в центр и шли в какое-нибудь новое место. Старались каждый раз выбрать новую национальную кухню. Если нам нравилось, мы ставили флажок и мечтали, как поедем в эту страну. В итоге съездили из всего списка только в Израиль. Вот только фалафель нам категорически не понравился, сколько бы мы ни давали ему шансов. Таковы происки судьбы

Но сейчас я об этом думаю лишь с грустью и тоской по мамуле. Не знаю, насколько долго будет действовать эффект от этого дестроя, но сейчас мне значительно легче.

— Я хочу плов, — говорю с небольшим стеснением, но я очень хочу плова. Именно его мы ели в последний раз. И мне кажется, что сейчас самое правильное время, чтобы столкнуться со своими воспоминаниями и переживаниями лицом к лицу.

— Плов? — Платон усмехается. — Неожиданно Хорошо! Какая-то особенная чайхана или просто плов?

— Просто узбекский плов. Мне всё равно.

— Понял. Пойдём переодеваться.

Пастернак посматривает на меня явно с интересом. Даже с любопытством. У меня сейчас нет сил с ним пререкаться. Но самое главное, у меня нет сил делиться. Я безумно голодна, сама вроде согласилась поесть, но уже хочу сбежать от него до того, как он спросит.

Мы встречаемся на улице, и я чувствую острую необходи-

мость остаться одной.

Попрошу высадить меня у метро. Да. Так будет правильнее.

Он вбивает в навигатор адрес и выезжает из подворотни, что практически освободила меня.

— Платон, — обращаюсь к нему на необдуманном порыве, — ты не спросишь, что со мной было?

— Нет, пупс. Захочешь, сама поделишься. Я не лезу туда, куда меня не зовут, — отвечает Платон так ровно и спокойно, что мне резко хочется его обнять.

— Можно я тебя обниму? — Платон явно удивлён, но паркуется у обочины и с очевидной неловкостью даёт себя обнять. — Спасибо! Это было очень мощно! Мне намного легче! Огромнейшее тебе спасибо!

— Я рад, — улыбается и отстраняется. — И рад, что правильно тебя считал. Класс! Здорово, что угодил.

Кажется, он и сам не ожидал настолько мощного эффекта и явно радуется и не может сдержать этого. Он забавный, а ещё, наверное, искренний.

— Не то слово угодил, — смеюсь и понимаю, что ни у какого метро я не попрошу меня высадить. Я хочу провести с ним время. Мне комфортно. Раз в душу ему лезть не нужно, значит, он безопасен.

— Только не говори, что больше не будешь обзывать?

— Не знаю. Не обещаю.

— Можно признаюсь?

— В чём? — Тут же напрягаюсь.

— Мне порой казалось, что у тебя синдром Туретта.

— Это как? — Что эта заумная башка несёт опять?

— Вообще это расстройство центральной нервной системы. Обычно проявляется в различных тиках: голосовых и моторных. Различное кряхтение, вздохи, лай, вой, дёрганье, моргание. Да всё что угодно. Ну и непроизвольное выкрикивание бранных слов. Твой случай, — улыбается так, будто не назвал меня только что ненормальной. — Но бывает и тяжёлое течение, разумеется.

— У меня нет синдрома Туретта. И все бранные слова ты заслужил, — заявляю строго, но уже без прежней агрессии. Это я точно осознаю.

— Ну зато поумничал перед сапиосексуалкой, — очаровательно смеётся. — Как ты меня назвала? Корнеплод культияпый? Что вообще?

Салон машины сотрясается от его громкого смеха, и я окончательно расслабляюсь.

Буквально через десять минут мы заезжаем в паркинг Петровского пассажа, и Платон говорит, что нужно будет немного прогуляться.

Сегодня очень тёплый день, и кажется, что лето ещё не за-

кончилось. Мне становится жарко в свитере, и, немного посомневавшись, я снимаю его и остаюсь в одной облегающей футболке.

Этим летом мне было абсолютно не до прогулок, и я совершенно забыла, как приятно погулять по центру. Да и улицы преобразились конкретно. Все пешеходные улицы утопают в зелени, и у меня глаза разбегаются от этого буйства цветов. А праздничная атмосфера добавляет прогулке торжественности и лёгкости одновременно.

— Как хорошо! Я уже и забыла, что такое отдых, — искренне признаюсь и сразу же осекаюсь. Сейчас наболтаю лишнего. — Всё лето стрессовое было. Экзамены, выпуск, поступление.

— Не удалось отдохнуть? — Спрашивает Платон будто для галочки.

— Нет. Не до этого было.

Платон лишь кивает и подводит меня к ресторану «Узбекистан».

Здание будто из мультика про Алладина выбивается из общего ансамбля исторической застройки Москвы. Стран-

но, но я никогда раньше не обращала внимание на него, хотя совершенно точно гуляла по Неглинной.

— Была здесь? — Интересуется Платон. — Вроде это легендарный ресторан.

— Нет. А ты?

— И я нет. Вообще я предпочитаю арабский плов, но у меня в школе был один узбек, он готовил нам ферганский плов по четвергам. Каждый раз говорил, что мы обретём настоящую мужскую силу от его крепкого плова, но мы обрели только крепкий сон. Так что не удивляйся, если я вырублюсь прямо на тапчане.

Я рада, что Платон рассказывает мне всякую ерунду, и я могу расслабиться. Внутри ресторан оказывается суперпомпезным и немного устаревшим, но, судя по публике, здесь, наверное, всё-таки вкусно.

Платон заказывает разного плова, чтобы мы могли определиться, какой вкуснее, лепёшек, салатов и каких-то закусок, и я уже начинаю переживать, что ему снова придётся меня выносить.

— Ты хочешь что-нибудь выпить? Тебе вообще восемнадцать есть? — Вдруг спрашивает Платон.

Он не знает, сколько мне лет? Точнее, сколько Алине? Не интересовался или забыл? Мы-то уже про него знаем всё. Алина даже его натальную карту составила. И не удивлюсь, если сделала расклад на Таро.

— Есть, да. Но нет, я хочу просто чай, спасибо.

Я ему всё равно не доверяю. Напоить решил. Нет уж.

Нам приносят целый стол еды, и я после изматывающего досуга накидываюсь на всё. Забываю про приличия и ем от души.

С удивлением отмечаю, что довольно чопорный Платон, имеющий при себе платок, ест руками и с большим аппетитом. Почему-то он у меня ассоциировался исключительно с этикетом, манерами и строгим протоколом.

— Что? — Замечает Платон, как я на него пялюсь.

— Не ожидала, что ты будешь есть плов руками, — смеюсь.

— Ну а что? Хороший тон — есть так, как принято. Я с детства приучен чтить и изучать чужие традиции и культуру.

В моём случае это базовый минимум, — улыбается.

— Почему?

— Потому что я хамло мгимошное, — вдруг начинает смеяться на весь ресторан так громко, что оборачиваются абсолютно все посетители. И где он чтит традиции?

— Прости, — смущённо улыбаюсь.

— А ты меня простила? — Спрашивает серьёзно. — Сразу скажу, что так себя повёл, потому что опасался скандала и административного правонарушения. У меня через месяц стажировка в ООН, улетаю в Нью-Йорк, и мне нельзя косячить.

Ого, Нью-Йорк, ООН, это серьёзно. Его мотивация мне отчасти понятна. Я думала, просто боялся, что его предкам достанется и будут это обсуждать. И мне импонирует, что он без стеснения говорит, почему так поступил. Методы, конечно, сомнительные, но меня отпустило. Это не значит, что я буду с ним дружить и общаться, но я понимаю.

— Да, забыли.

— А я тебя не простил. Ты разбила мне нос, обзывала,

угрожала и игнорировала, — Платон начинает элегантно загибать свои аристократические пальцы и пристально на меня смотрит. Он сейчас серьёзно? Хочется набрать в ладошку плова и швырнуть ему в его довольную морду. — И требую компенсацию.

Я теряю дар речи от возмущения.

— И сколько стоит твой нос? — Цежу сквозь зубы, держа наготове самсу жирную. Сейчас будет минус одно кашемировое изделие у мажора.

— Три свидания.

— Ты хочешь меня принудить к трём свиданиям? Зачем тебе это?

— Чтобы ты влюбилась, пупсик.

Глава 12

Не успеваю войти в квартиру, как телефон начинает навязчиво трезвонить. Мне даже смотреть не нужно, знаю, что Алина. Касаюсь наушника, принимаю звонок и продолжаю раздеваться.

— Ну сколько можно держать меня в неведении? — Возмущается Аля. — Ну что? Как всё прошло?

— Честно? Очень хорошо. Я даже представить себе не могла, что от встречи с ним мне станет настолько легче, — пока я мою руки, переодеваюсь и прибираюсь в гардеробной, рассказываю Алине в красках про комнату ярости и свои чувства.

— Обалдеть. Ничего себе, я даже о таком не знала. Полечка, я так рада, что ты сумела всё выплеснуть. Могла бы пожала этому Пастернаку руку. Красавчик. Просто хлопаю в ладоши, — Алина начинает действительно хлопать, а я смеюсь.

— Да, в этом плане красавчик.

— А в ЦУМе что купили?

— Ничего. Я же сказала, что мне ничего не нужно.

— А в какой рестик ходили?

— В Узбекистан. Я захотела плова. С мамулей последний раз ела плов. А потом химия и всё, ну ты помнишь

— Ты этому мажору сказала, что хочешь плов? Ты сдурела?

— Алин, мне всё равно. Я не собиралась перед ним из себя принцессу на горошине строить. Да, мы классно посидели и вкусно поели.

— Ну, допустим. А про папу моего что-нибудь спрашивал?

— Нет. Вообще ни о чём личном меня не спрашивал. Мы на общие темы общались.

— Ну а дальше что? Он тебя довёз до дома, поцеловал?

— Господи, Аля! Нет, конечно! И он меня не подвозил, в такси посадил. Сказал, что у него дела в центре.

— Не поцеловал? Не подвёз? Вообще никаких поползновений? — Разочарованно спрашивает Алина.

— Никаких. Хотя — Вспоминаю и аж в жар кидает. — Он мне облизал пальцы.

— Чтооооооо? — Орёт Алина. — Кааак?

— Ну он сказал, что я неправильно ем плов, и начал показывать, как есть его руками. Я попробовала и начала жаловаться, что у меня теперь жирные пальцы. И он взял мою руку и облизал их.

— Блядь! Простите меня за мой французский! Я в шоке! А ты что?

— А я поняла, что значит выражение «Я намокла», — стыдливо признаюсь.

— Да бляяя! Я тоже как бы намокла. Подожди, я пойду воды попью. Охренеть. Во даёт! Дипломатично тебя окрутил!

— Да, — смеюсь смущённо и прикладываю стакан с водой к щекам.

— Ну и что? Вы ещё встретитесь? Может, он ещё что-нибудь облизет?

— Алина! Нет, больше не встретимся. Он сказал, что я ему торчу три свидания за все неудобства. И что я за них успею в него влюбиться, — замолкаю.

— Чтооооо? Так, иди в гардеробную. Открой верхний ящик правого комода.

— Так, — быстро добегаю до гардеробной, — И что?

— Видишь конверт? Это мне Катя Агинина подарила на день рождение курс лазерной эпиляции. Воспользуйся им, тебе нужнее.

— Алина, блин! Сдурела? Я не собираюсь с ним больше встречаться. Он улетает через месяц в Нью-Йорк на стажировку. Я буду постоянно переносить встречи и ссылаться на занятость. Ну и всё.

— На сколько улетает?

— Не знаю. Ну сколько стажировка может длиться? Семестр, наверное.

— А почему ты не хочешь этот месяц с ним повстречаться? Он же тебе нравится, даже не отнекивайся.

— Поэтому и не хочу. Как ты себе это представляешь? Я буквально живу твоей жизнью. Он встречается с тобой, а не со мной. Нет, исключено. А если я западу на него? Нет, так нельзя.

— Ну да Есть в этом резон. Банально позовёт тебя, а ты ступишь и не отреагируешь.

— С этим легко, кстати. Я у него пупс и всё. Ни разу меня Алиной не назвал.

— Да? — Аля сразу из серьёзной возвращается в свой привычный образ. — Ну повстречайся. Развлекись! Улетит и пофиг. Никто никого ждать полгода не будет. А там лето, каникулы, опять разлука.

— Нет. Я не могу. Я не хочу, я боюсь, я переживаю, что всё вскрыется. Хорошо хоть он тебя не гуглил, даже не знал сколько лет. Но всё равно я тобой притворяться не буду.

— Поль, ну что за ерунда? Ты мной не притворяешься. Платону нравишься ты. Твоя суть. Твоя внешность, твой голос, твой смех, общение с тобой. Эмоции от встреч с тобой.

Я-то тут причём? Имя? Серьёзно? Это просто имя.

— Алин, мне нужно дедушке позвонить, пока он не уснул, потом поговорим, — заканчиваю разговор с подругой, потому что боюсь её дара убеждения. Она же по сути права, но нет. Я не могу себе позволить общение с ним. Я уже чуть-чуть залипла. Мне нельзя залипать.

Из головы не выходит наше общение и Алинины слова, чтобы как-то отвлечься включаю сериал и несколько часов пытаюсь в него погрузиться.

Постоянно отвлекаюсь и проверяю телефон. Но он не пишет. Даже не спросил, как я добралась. Не то чтобы я жду, но как будто жду.

Алина продолжает бомбить сообщениями и призывает меня лишиться с ним девственности. Начинает напрягать конкретно и я заглушиваю её.

Мою и сушу на ночь голову, вспомнив, что хоть завтра и день на дистанционке, но пар будет много. А вечером у меня репетиторы и я не успею.

К двенадцати я уже еле стою на ногах и ложусь спать.

Просыпаюсь в восемь утра сама, за десять минут до будильника и понимаю, что это была самая спокойная ночь за последние полгода. Давно я так качественно не спала. Кажется, не приснилось ни одного сна и я по-настоящему отдохнула.

Боюсь спугнуть это состояние, но ощущаю воодушевление. Впервые за два месяца мне кажется, что всё наладится. Будто я на кончиках пальцев начинаю чувствовать что-то новое и хорошее. Это чувство совсем хрупкое и еле осязаемое, но даже эти крупинки для меня прорыв.

Даю себе полежать и насладиться обретённым умиротворением. Насладившись, иду готовить завтрак. Когда задумываюсь о том, что я хочу съесть, я даже иначе подхожу к выбору еды. Не могу сказать, что канцерофобия меня отпустила, но, кажется, я теперь ем не из страха перед раком, а из любви к себе. Конечно, ничего не доказано, но слова одного врача меня не на шутку напугали и я заморачивалась и постоянно боялась канцерогенов и прочих вредностей.

По привычке включаю видео для фона, но выключаю, потому что чувствую, что готова побыть со своими мыслями и за завтраком.

Доедаю свой омлет и поглядываю на часы. Лекция нач-

нётся через десять минут.

Мою тишину нарушает звонок. Алина. Восемь часов за-
глушки закончились.

— У тебя же семь утра? Ты чего в такую рань?

— Филипп ушёл на тренировку. Я не спала всю ночь, ду-
мала.

— О чём?

— Тебе надо лишиться девственности с Пастернаком.
Просто настройся, что он улетит и не привязывайся особо.
Но он идеальная кандидатура. Красивый, классный и умеет
смочить твои трусики. Что тебе ещё нужно?

— Алина! Ты озабоченная! Всё, у меня сейчас лекция
начнётся. Точнее у тебя! Тебе вообще заняться нечем и ты
думаешь о моей девственности! А она тебя вообще не каса-
ется! Не хочешь на своей лекции хоть раз побывать?

— Поля, не душни! Ну серьёзно! Жизнь коротка. Вот со-
бьёт тебя машина завтра, а ты не знаешь, что такое секс.

— Ага. Или поставят мне завтра диагноз мамин.

— Поль, прости. Я не это имела в виду.

— Пока, Алин. Мне заниматься надо.

Всю магию утра мне разрушила. Нос щиплет, я часто-часто моргаю, но слёзы всё равно начинают бежать тёплыми дорожками по щекам. Злюсь на себя за эту слабость и оттого начинаю плакать сильнее.

Запускаю трансляцию и ухожу в ванную умываться. В итоге возвращаюсь к ноутбуку, отмечаюсь на лекции, ставлю запись экрана и ухожу обратно.

Наливаю пены и залезаю в горячую воду.

Не знаю, что вчера произошло, но я отчего-то не могу гасить в себе эмоции. Будто меня прорвало. Я самонадеянно думала, что на этом всё. Всё вышло. Отнюдь. Во мне полно страхов и боли. Но сейчас я позволяю себе и бояться и страдать.

Всё, одну пару прогуляла и достаточно. Надо брать себя в руки. Возвращаюсь к ноутбуку, завариваю себе чай и намереваюсь весь день заниматься.

Подключаюсь к семинару и понимаю, что вообще не могу усвоить информацию и включиться в занятие. Что-то бесцельно рисую в тетради и никак не могу сосредоточиться.

Ну что со мной, блин?

Изо всех сил пытаюсь вникнуть в слова преподавателя, но голова забита совсем не учёбой.

Телефон вибрирует и я заранее закатываю глаза. Опять Алина со своими предложениями дурацкими или извинениями.

Открываю мессенджер и чувствую, как улыбка расплзается по лицу, а щеки загораются от румянца.

— Пупс, привет! Я знаю, что у тебя сегодня дистанционка и ты дома. Буду через полчаса. Захвати купальник, поедем продлевать тебе каникулы.

Глава 13

Так, Поля, отставить! Предложение заманчивое, но нет! И вообще Моду взял приезжать, не спрашивая. Кто так делает?

Откладываю телефон и намереваюсь записывать конспект, но что-то в голове переключается, я вскакиваю и со всех ног несусь собираться. Ну что будет от одного раза? Ничего! Просто прогуляю с ним дистанционный день. Ничего криминального. Я не собираюсь влюбляться и залипать! Сто процентов!

Залетаю в санузел, ищу свой станок и ругаю себя, что валялась полтора часа в ванной, а могла бы ноги побрить. Кулёма!

Благо, кожа ещё распарена после ванны и процесс идёт как по маслу. Так! Купальник! А куда он меня вообще отвезти собрался?

Начинаю судорожно искать свою коробку с пляжными вещами и постоянно поглядываю на время, которого остаётся совсем мало.

Разрываю картон, вываливаю все купальники на пол и вспоминаю, какой на мне сидел лучше всех. Опираясь на мою логику, нужно выбрать худший, чтобы этим вторым свиданием всё и закончилось, но мы сейчас не в ладах. И я хватаю самый модный купальник прошлого лета, идущий в комплекте с набедренной повязкой и топом с разлетающимися

рукавами.

Примеряю и отмечаю, что оливковый цвет невыгодно подчёркивает мою бледную кожу.

Снова смотрю на время, есть три минуты, чтобы воспользоваться Алининым лайфхаком и нанести бронзер с маслом на тело.

Быстро проверяю погоду и обнаруживаю немыслимые для конца сентября двадцать семь градусов тепла.

Недолго думая, хватаю с вешалки Алинино милое платье в цветочек и балетки. А заодно и сумочку с очками. Она бы одобрила.

В итоге, прособиравшись пятьдесят минут вместо отведённых тридцати, спускаюсь.

Окидываю взглядом парковку, не нахожу ни одной знакомой машины и думаю, что это знак. Зря я согласилась. Да я и не соглашалась, я же ничего не ответила

Надо как-то естественно развернуться и слинять домой. Дурацкая затея. Не знаю, какая муха меня укусила и я решила, что можно ещё один раз с ним встретиться.

— Пупс! Я тут! — Слышу знакомый голос за спиной, разворачиваюсь и понимаю, что Платон ждёт меня на территории дома, а не за. Ёлки-моталки, как он заехал?! — Подожди, сейчас подъеду!

От этого вездесущего мажора не скрыться, ну как мне месяц гаситься? Надо было всё-таки удодский купальник надеть и с небритыми ногами выйти. Такой пижон точно бы

сразу меня слил.

Сконфуженно жду его и разрабатываю различные пути отхода. Может сказать, что я вышла просто предупредить его, что не смогу? Бред, легче было написать! А-а-а-а! Ну что со мной? Этот корнеплод заставляет себя чувствовать разваренной морковкой.

Платон выезжает на красном кабриолете Феррари и останавливается рядом со мной. Обалдеть. Уже одно его эффектное появление сулит мне нарушение всех моих планов.

— Нет, всё-таки я уверена, что тебе дарят тачку за каждый сданный экзамен, — сажусь в салон и дольше положенного пляжусь на него. Он может быть чуть попроще и пострашнее? Волосы переливаются на свету, улыбка слепит не меньше солнца, а очки и льняная рубашка завершают безупречный образ золотого мальчика.

— Привет! У тебя очень красивые волосы, но советую тебе их как-нибудь собрать, а то потом не расчешешь, — игнорирует мою реплику и тянется ко мне, чтобы чмокнуть. Перестаю дышать, лишь бы не утонуть в его умопомрачительном парфюме. Или это его запах? Так, всё! Включаем голову и активируем хладнокровие. — У меня бизнес по сдаче в аренду автомобилей. Никто мне их не дарит за экзамены.

— Бизнес? И как ты успеваешь всё? — Спрашиваю, заплетая косу.

— Ну, стараюсь не тратить время впустую, — говорит человек, который в понедельник в разгар рабочего и учебного дня везёт меня куда-то, где нужен купальник.

— То есть посещение чужих семинаров и расслабленный понедельник — это не пустое время?

— Ты слишком строга к себе, пупс. Не надо так! — Улыбается мне как-то уютно и по-доброму, от чего я заливаюсь румянцем и отворачиваюсь.

— А куда мы едем? — Интересуюсь, когда он съезжает на МКАД.

— Загорать и купаться. Последние тёплые дни. Была в Аляске?

— Да, только вернулась с саммита с Трампом, — ну и вопросы у него.

Платон взрывается от смеха и смотрит на смущённую меня, вместо дороги.

— Ты смешная, пупс! — Говорит, а я зачарованно слежу за его губами и как они произносят «пупс». Алина на меня какую-то порчу навела. Однозначно. — Я о пляжном клубе в парке Малевича.

— Нет, не была. Мне надо лекцию дослушать, — строго говорю ему и достаю свой айпад и наушники. Мы ещё не купаемся, а я уже плыву. Не дело

Изо всех сил стараюсь создать видимость прилежной ученицы, но мягкий-ласковый и одновременно свежий осенний

ветер так приятно ласкает кожу, что я сдаюсь. Убираю обратно планшет и наслаждаюсь поездкой в кабриолете.

Мы мчимся по платной трассе в сторону Рублёвки, а у меня и в правду ощущение, что мы сейчас улетим куда-нибудь отдыхать. Обожаю это чувство нового и неизведанного.

Съезжаем с трассы, и в нос сразу бьёт аромат сосен. Прикрываю глаза и млею в тёплых солнечных лучах.

— Мадемуазель, — протягивает мне руку Платон, помогая выбраться из низкой машины, и я до конца не понимаю, он стебёт меня или ухаживает.

На ресепшн нам выдают полотенца, карты от ящичков хранения и провожают в раздевалку. С каждым шагом за хостесс начинаю нервничать сильнее. Смотрюсь на себя в попадающиеся на пути зеркала и начинаю загоняться из-за своей фигуры.

В раздевалке быстро переодеваюсь и критично осматриваю себя. Попа толстая, живот мягкий, как назло. Ненавижу ПМС, я реально пупсик. А сейчас он начнёт называть меня пупсярой!

Натягиваю юбку с топом поверх купальника, распускаю волосы, но всё равно стесняюсь. Мне, конечно, хочется, чтобы он слился, но будет обидно, если он сбежит из-за моего жира

Неуверенно выхожу на улицу, прикрываюсь своей сумкой и полотенцем и с непроизвольным восхищением смотрю на Платона. Даже плавки у него безукоризненные и кричат о его

статусе. Будто всё Министерство иностранных дел подбира-
ло посадку. Чтобы были не слишком короткие, не слишком
длинные, не слишком свободные и не слишком облегающие.
Одним словом, идеальные. А молочный цвет только подчер-
кивает безупречность хозяина.

Пока Платон ведёт меня к нашим шезлонгам, задумыва-
юсь, что складывается ощущение, что он даже пляжный клуб
выбрал под свой образ. Он идеально вписывается в картин-
ку. И здесь действительно очень красиво и стильно. Словно
переместились на какой-то адриатический курорт. Хотя нет
В Хорватии таких шикарных условий я не видела.

Платон подходит к двухместному лежаку и начинает рас-
кладывать вещи на столике. Девяносто процентов шезлонгов
здесь отдельные, а он выбрал совместный? Серьезно?

— А мы что, будем вот тут лежать? Тереться друг об дру-
га? — С возмущением спрашиваю.

— Да тут просторно, пупс, — улыбается мне и начинает
расстёгивать рубашку. Сглатываю вязкую слюну и стараюсь
не глядеть на него. Тщетно. Мистер безупречность собствен-
ной персоной. И почему через одежду все эти неприлично
привлекательные кубики и грудные мышцы не просматрива-
ются? Он мог быть хотя бы дрыщом? Сволочь просто!

— Здесь полно отдельных лежаков. И они ближе к бас-
сейну, — настаиваю не своим голосом.

— Везде бронь, пупсик.

Осматриваю практически пустой клуб и со злостью бро-

саю свою сумку на пол.

— Попрыскаешь мне спину? — Протягивает лосьон для загара.

— Давай, — закатываю глаза, отхожу от него на метр и на вытянутой руке брызгаю на его рельефную спину лосьон. Он что, специально её напрягает? С чего она такая мускулистая?

— Пупс, ты как-то криво побрызгала, размажь, пожалуйста.

Вот же зараза! Стараюсь показать свою невозмутимость и начинаю размазывать по его спине средство для загара, повторяя про себя мантру, что мне всё равно. Я ничего не испытываю, и он меня совершенно не волнует.

— Всё! — Отхожу от него и ложусь на шезлонг к самому краю, а между нами кладу свой планшет. Может, я ещё и позанимаюсь.

— Намазать тебя?

— Нет! — выкрикиваю громче положенного и замечаю его усмешку.

Он ложится рядом, и я буквально чувствую напряжение, витающее в воздухе. И ни голубое небо, ни лазурный бассейн, ни салатовый газон, ни кроны сосен меня не успокаивают. Я напряжена.

— Позагораем минут тридцать и пойдём поплаваем? — Интересуется у меня Платон.

Ещё и плавать с ним Господи, помоги мне!

— Не знаю, мне надо на семинаре присутствовать. А тебе

разве не нужно учиться?

— Нет, у меня особая программа, — на слове программа его бровь интригующе подрагивает и окончательно меня выводит из равновесия.

— Давай что-нибудь закажем? — Хватаю меню, чтобы как-то отвлечься.

— Конечно, давай.

Даже обсуждение пиццы и фрешей с ним какое-то напряжное. Меня буквально всё в нём раздражает. Или волнуется? Чур меня! Чур! Алинины происки!

Сделав заказ, Платон наконец-то оставляет меня в покое и смиренно загорает. Благо с закрытыми глазами, что даёт мне волю его как следует разглядеть.

У меня под попой вибрирует телефон, и Платон открывает глаза, явно спалив моё любование им. Тут же тянусь за телефоном и открываю сообщение от Алины. Ведьма чувствует, что я предала свои принципы и обещания.

Не могу сдержаться и хохочу на весь клуб, когда загружается фотография Алины из супермаркета с огромным фаллическим пореем.

— Дурища! Это лук-порей, а не пастернак! — Отправляю ей.

— Чего ты там смеёшься? — Спрашивает Платон.

— Ничего, — чувствую себя пойманной за чем-то предосудительным. — Подружка пишет просто. Фото из Амстердама скидывает.

— МАмстерКайф, — лениво тянет Платон. — Передавай привет. Как её зовут?

Зачем ему её имя? А привет зачем? Господи, спасибо! Ты меня вразумил!

— Алина, — решаю не врать и смотрю на его реакцию, но её нет. Он просто переворачивается на живот и что-то мычит нечленораздельное.

Пользуюсь моментом и отправляю Але фотографию с фрагментом Платона. Она сейчас выронит свой порей от шока.

Ответ не заставляет себя ждать. Она обрушивает на меня шквал эмодзи с явно неприличным призывом.

Нам приносят пищу, тако и фреши, и Платон к моему облегчению отсаживается к краю шезлонга. Я не знаю, как сесть, чтобы у меня не вываливался живот и не было складок, и никак не могу расслабиться. В итоге съедаю кусок пищи и один тако и ложусь обратно загорать. Лежа я худая.

Платон на еду тоже особо не налегает и ложится рядом. Замечаю, что в этот раз он не прикрывает глаза, а пялится на меня. И пялится он на мой живот! Наверняка думает о том, что мне не пищу жрать надо и на шезлонге прохлаждаться, а круги в бассейне наворачивать.

Меня уже печёт не от солнца, а от его взгляда.

— Прекрати смотреть на мой живот! — Не выдерживаю я. — Я и так знаю, что мне нужно немного похудеть, не обязательно мне так пассивно-агрессивно намекать!

— Чего? — Платон смотрит на меня шокированно и встает, облачаясь на локоть. — Пупс, у тебя очень сладкий животик. Так и хочется потискать и поцеловать.

Чтоооооо?

Вскакиваю, как ошпаренная с шезлонга, хватаю свой айпад, сумку и бегу в раздевалку. Захлопываю дверь и вызываю такси. С сожалением отмечая, что даже экономя отсюда стоит три тысячи. Переживу! Но к своему животу его не подпущу! Пальчики до сих пор его с придыханием вспоминают...

Глава 14

Как назло, ни одна машина не принимает мой заказ. Перезаказываю, меняю класс уже на разорительный «Комфорт плюс», но всё безрезультатно.

Алина продолжает бомбить сообщениями и просит фотоотчёт со всех ракурсов, неугомонная озабоченная извращенка!

Я же не прошу у неё Филины филейные части!

Еще раз отменяю заказ, пробую и, как загипнотизированная, слежу за поиском. Давай же! Давай!

Минуты идут, а меня так и никто не хочет везти. Я самая невезучая!

— Пупс, ты тут? — Слышу стук в дверь. — Я зайду?

Платон не дожидается моего ответа и входит в женскую раздевалку.

— Сюда мужчинам нельзя! — Смотрю в упор на незваного гостя.

— В особых случаях можно, — медленно надвигается на меня. — И что это за демарш?

Опять умничает

— Пытаюсь вызвать такси, — показываю ему дисплей своего телефона.

— Ты обиделась на меня? Почему хочешь уехать? — Подходит ближе.

— Не обиделась! Ты доставляешь мне дискомфорт! Снял это лежбище, чтобы развалиться рядом, и пялишься постоянно! Это непозволительно!

— Ты тоже меня разглядывала, — улыбается, — и фотографировала. Я же не возражаю.

— Неправда! Не смотрела и уж тем более не фотографировала!

— Покажи свою галерею, — подходит с озорной улыбкой и блокирует меня у стены.

— Не буду я тебе ничего показывать!

— Пупсик, на воре и шапка горит, — усмехается. — Прощаю. Всё, пойдём поплаваем.

Поглядываю в телефон, ни одно такси так и не соизволило за мной приехать, и я вынуждена терпеть общество наблюдательного корнеплода.

— Ладно! — Делаю ему одолжение. — Но ты больше не будешь на меня смотреть!

— Не могу пойти на эти требования, — пожимает своими мускулистыми плечами.

— Мне не комфортно! — Закрываюсь руками и не двигаюсь с места.

— Ты стесняешься? Меня стесняешься или себя? Это важно, — снисходительно улыбается. Бесит эта его манера общения. Будто с маленьким несмышленным ребёнком разговаривает.

Признать, что я стесняюсь его, тоже самое, что сознаться

в симпатии.

— Не стесняюсь я! Я же сказала, что твой взгляд — это пассивно-агрессивный намёк! — Закипаю и раздражаюсь от его улыбки ещё больше. Пусть в ООНе своём так улыбается!

— Ты что, жертва запретограмма? Иди сюда, — хватает меня не по-джентельменски за руку и подводит к зеркалу, — Алина, посмотри на себя. Ты очень привлекательная и женственная. Про твои волосы и глаза с улыбкой я даже не говорю. Я половозрелый мужчина, и я люблюсь, а не пассивно-агрессивно пялюсь, как ты выражаешься.

— Любуешься? — Тушуюсь. Не понимаю, когда мы от взаимных оскорблений перешли к признаниям. Половозрелый Пастернак он перезрелый, а не половозрелый!

— А ещё говорят, что мужчины не понимают намёков, — наконец отходит от меня и начинает смотреть издалека.

Чувствую, как начинаю багроветь под его пристальным взглядом.

— Я загорать! — Хватаю свои вещи и выбегаю первая из раздевалки.

Сразу же врезаюсь в женщину, извиняюсь и по её надменному взгляду понимаю, что нельзя здесь устраивать детский сад. Перехожу на шаг и пытаюсь отыскать наш шезлонг. Слышу за собой шарканье тапками, оборачиваюсь и перехватываю наглый взгляд Пастернака на своей попе.

— Ты мне обещал! — Грожу ему пальцем.

— Неправда. Моя сторона таких обещаний не давала, —

продолжает нагло на меня глазеть. Поклясться готова, что он не любит, а просто получает удовольствие от моего негодования.

— Я тебя сейчас в бассейн толкну! Намочишь свои дорожные часы, — наступаю на него и гляжу с вызовом.

— Им ничего не будет, — усмехается.

— Зато твоей льняной рубашке будет! Она больше на тебя не налезет! — В этот момент мне кажется, что я звучу очень грозно, но здравый смысл подсказывает, что я комичнее некуда.

Жутко раздражает это состояние рядом с ним. Я сама не своя. Гордо разворачиваюсь и слышу за спиной всплеск.

Из-за плеча поглядываю и лицезрею, как Платон нырнул в рубашке в бассейн и устраивает показательную программу.

Девушки, отдыхающие на шезлонгах у бассейна, словно зрительницы наблюдают, как этот товарищ из сборной хвастунишек пересекает бассейн баттерфляем. Думал меня этим зацепить? Усмехаюсь и возвращаюсь на своё место.

По времени начинается пара по истории, и мне совсем не хочется пропускать. Запускаю трансляцию и слушаю лекцию.

Стараюсь незаметно поглядывать, где там Пастернак, но он всё наябывает. Выдохнется уже когда-нибудь или нет?

Яндекс наконец сообщает, что такси нашлось, но я отменяю заказ. Уже не надо. Я эти деньги лучше на общественные пушпу.

— Ау! — Кричу от брызг, открываю глаза и вижу, как Платон бессовестно трясёт своей мокрой головой на меня. — Когда я тебя называла голден-ретривером, я всё-таки не манеры собачьи имела в виду! Полотенце для чего тебе?

— Пупс, ты чего такая агрессивная? Я, честно говоря, надеялся на более пролонгированный эффект вчера. Но у меня есть ещё в арсенале способы.

— Какие? — Спрашиваю сразу же. Я прекрасно понимаю его сексистские намёки, но хочу заставить врасплох.

Платон лишь ведёт своей бровью и начинает вытирать влажное тело. Снова ругаю Алину на чём свет стоит, она меня запрограммировала! Хочется взгляд отвести, а не получается! С позором себе признаюсь, что я тоже люблюсь. Этот блеск влажной загорелой кожи неотразим.

— Я плавать! — Откладываю планшет и встаю с шезлонга. Мне уже невыносимо с ним рядом находиться. Мне действительно нужно снять напряжение.

Подхожу к бассейну, хочу снять с себя набедренную повязку и топ и замечаю, что он снова пялится. Ухожу в самый дальний угол и раздеваюсь. Сама начинаю нарезать круги по бассейну, как угорелая, а внутри всё еще дребезжит.

Устаю и ложусь на спину, наконец расслабляюсь и смотрю на голубое небо и тёмно-зелёные кроны сосен. Вот дурочка, вместо того чтобы отдыхать и наслаждаться, трачу все ресурсы на борьбу с мажором.

Солнышко начинает припекать, и я жмурюсь от удоволь-

ствия. И в этот момент понимаю, что он вчера не слушал меня вполуха, а запоминал. И на следующий же день решил мне устроить мини-каникулы. Это не моя отработка за его неудобства, как он выразился, а забота обо мне?

Меня это осознание так трогает и пугает одновременно, что я понимаю, что мой план полетел к чертям. Думала, что от одного раза ничего не будет, как же ошибалась. Подплываю к бортику, встаю и промываю лицо водой. Я вляпалась. И он, похоже, отступать не намерен.

Возвращаюсь на шезлонг и держу дистанцию. Платон решил облегчить мне задачу и не достаёт. Что-то вдумчиво читает в своём телефоне и не отвлекается.

Подключаюсь к своей лекции и стараюсь на него не глядеть.

— Пупс, пупс! — тормозит меня. — Просыпайся, нам пора ехать. У меня вечером дела. Надо до пробок вернуться.

Боже! Я что, уснула? Позорище какое! Это, наверное, меня так ангел-хранитель защищает от искушения!

— Да! Прости! Конечно! Сейчас-сейчас, — начинаю поспешно собираться и одновременно радуюсь и расстраиваюсь, что день закончился.

Быстро переодеваюсь в раздевалке и выхожу на парковку. Платон уже ждёт меня. И, к моему сожалению, закрыл крышу.

— Ощущение, что всё, лето закончилось, — смотрю на потолок машины и вздыхаю.

— Почему? Завтра ещё тёплый день, и у меня есть идея. Заберу тебя после пар, и поедem кататься по Москва-реке.

— Это будет третье заключительное свидание?

— Нет. Второе. Сегодня первое. А и ты испортила мне рубашку. Так что у тебя штрафной, пупсик!

— Платон, тебе не кажется, что ты слишком настойчив? Каждый день встречаться — это перебор.

— Это не перебор, Алина. Это разумный подход. Чем быстрее с человеком сократишь дистанцию, тем быстрее увидишь его настоящего и меньше будешь фантазировать и от себя дополнять образ. Это работает в обе стороны. Так что надо больше общаться, и всё станет ясно и понятно.

— Верно, — соглашаюсь и понимаю, что очень скоро ему всё станет ясно и понятно. Надо заканчивать.

В который раз меня спасает ангел-хранитель, и Платон отвлекается на телефонный разговор.

Пытаюсь прийти в себя, но не могу. Его слова окончательно меня отрезвили. Шея чесаться начинает от волнения. Кажется, он меня прямо сейчас раскроет и пойдёт в деканат, полицию, куда угодно.

Всю дорогу он разговаривает по телефону, и я, чтобы не подслушивать и не смущать его, надеваю наушники.

Снимаю только когда мы съезжаем с МКАДа.

— Платон, спасибо тебе за день! Я правда отдохнула и получила удовольствие! — Благодарю его, прежде чем покинуть машину.

— Я рад, что угодил, пупс, — Платон берёт меня за руку и подносит её к своим губам. Я, как собака Павлова, начинаю чувствовать повторный потоп, вспоминаю о его вчерашних фокусах со своими пальчиками. Пытаюсь изгнать из головы навязчивое воспоминание, но оно стоит перед глазами. Он просто галантно целует руку, едва касаясь, а у меня уже мурашки и очередные мокрые трусы. — До завтра, Алина!

Аккуратно одёргиваю свою руку и собираюсь с мыслями, чтобы наконец-то покончить с этим недоразумением. Мне нельзя!

— Нет, Платон! Не трать своё время. Тебе не нужно меня узнавать. Это ни к чему. Я совсем не та, кто тебе кажется. И ты действительно успел дорисовать что-то у себя в голове. Спасибо ещё раз и прощай!

Выбегаю из машины и часто-часто моргаю, чтобы не заплакать. Заманчивая история, но ей не суждено быть.

Глава 15

Просыпаюсь от мягких солнечных лучей и радуюсь новому тёплому дню. Сегодня нам ко второй паре, и я могу вдоволь поваляться в постели и не спеша собраться на учёбу.

Залезаю в телеграм почитать новости и просмотреть уведомления и с досадой читаю сообщение на Московском новостном канале о том, что уже завтра похолодание, а послезавтра в ночь обещают заморозки и первый снег. Не верится, что вчера я ещё купалась, а завтра придётся надеть пальто.

Заморозки Снег. Надо на кладбище срочно ехать, убрать-ся, пока почва не промёрзла. После пар не успею, в шесть часов уже закрывается, получается, надо ехать сейчас.

Открываю карту и понимаю, что это из загородного дома ездить было неудобно, а сейчас мне всего две станции на метро проехать. Пятнадцать минут туда, пятнадцать обратно. Да я даже успею забежать домой и переодеться.

Не завтракая, одеваюсь, забегаю по пути в хозяйственный и еду навещать мамулю.

На кладбище всегда чувствую умиротворение, читаю плиты, в уме подсчитываю, сколько лет прожили люди, и понимаю, что я не одна. Здесь наглядно показано, сколько людей потеряли своих близких. Кто-то родителей, а кто-то детей и внуков. Я чувствую солидарность и поддержку благодаря трогательным надписям на памятниках.

Многие мне уже стали как родные. Какие-то могилы выделяются своей красотой и ухоженностью оград, другие необычными памятниками, а есть и те, кто врезается в память благодаря невероятно тёплым пожеланиям. Я даже молча здороваюсь с ними.

Дядя Коля обещал заказать маме красивый памятник, засыпать всё галькой и перевезти мамину розу. Ну а пока мы ждём утрамбовки почвы, я везу мамуле её любимые гортензии, которые сама стабилизировала, чтобы они простояли как можно дольше.

Убрав все листочки и прополов землю, сажусь на лавочку у соседней могилы и молчу. Даю себе поплакать и поскучать.

— Мамуль, представляешь, что Алинка опять придумала? Она влюбилась в француза, который учится в Голландии, и сбежала к нему. Помнишь, как ты её каждый раз перед приходом Татьяны Иосифовны заставляла заниматься французским, обещая ватрушки испечь? Пригодился, твои старания не прошли зря, — улыбаюсь. — Коля с Дариной и мальчиками в Иране сейчас. Федарчук его взял на главную роль. Они присылали мне фотографии из мечетей запредельной красоты. Жаль, что ты не поехала с ними и не увидишь их. А я всё-таки учусь. Вместо Алины. В Президентской академии. И мне очень нравится, даже думаю поступить туда, если меня не рассекретят, конечно. Представляешь, что Алинка опять удумала? Так и не выросла, всё хулиганит. А ещё мне очень нравится один мальчик. И я ему нравлюсь. Но он

думает, что я Алина, и я не буду больше с ним общаться. Он бы тебе понравился. У него добрые глаза и улыбка. И в МГИМО учится. А ещё он, сам того не зная, очень мне помогает справиться с тоской и болью. Ну, я пойду, мамуль. Не скучай, я теперь буду к тебе часто приезжать. Я живу в Алининой квартире, и мне до тебя близко. Пока, моя любимая!

Достаю солнечные очки, скрывающие заплаканные глаза, и ухожу. Чтобы окончательно не расклеиться, читаю имена на надгробиях. Замечаю бюст статного мужчины и читаю имя: Платон Феликсович Разумовский. Да вы издеваетесь!

На выходе с кладбища бросаю взгляд на колумбарий и выцепляю фамилию Платонов. Плохи мои дела, плохи. Хорошо хоть Пастернаков не обнаружено.

Забегаю буквально на десять минут домой, быстро принимаю душ, чтобы смыть с себя пыль и грязь, и переодеваюсь на учёбу. Настроение, несмотря на грусть, очень хорошее и тёплое, и хочется нарядиться.

Да и жара на улице и в аудиториях. Надеваю белую юбочку в теннисном стиле, поло, беру свитшот на вечер, распускаю волосы и пешком иду на учёбу. Как же классно!

Ругаю себя за такие мысли, но хочется, чтобы Аля вышла замуж за Филиппа и осталась в Амстердаме, а я бы здесь так и училась. Хотя диплом-то не мой будет. Бред. Надо свой путь прокладывать.

За выходные соскучилась по Асе, и первым делом мы идём с ней в столовую за кофе и перекусить.

Слушаю её болтовню о выходных и клятвенно обещаю всё-таки посетить с ней несколько площадок Москвы-2030.

— А может сегодня после пар погуляем? Последний тёплый день! Давааай! И людей будет меньше, чем на выходных.

— А давай! — Соглашаюсь, и мы с ней на лекциях тихо переписываемся, чтобы обсудить, куда всё-таки пойдём.

Вчерашний полупрогул меня расслабил, и мне уже хочется сбежать с пар и находить с Асей десятки тысяч шагов, но она довольно дисциплинированная и пропускать не намерена. Напоминает мне, что балльная система не поощряет прогулы.

Еле досидев все пары, забегаем в туалет, обновляем макияж и спускаемся в холл.

— На метро или на электробусе? Можно пешком дойти до Ленинского и там сесть на Е10. Сможем выйти в Нескучном или доехать до Музеона, — спрашивает Ася.

— Не знаю даже. Я плохо ориентируюсь, сама толком не ездила.

— Шофёр небось в школу возил? — Улыбается Ася. — О, а вот и твой личный водитель электробуса! Так, давай обойдём от греха подальше, а то снова переедет.

Это она о Пастернаке что ли? Необдуманно поворачиваю голову и вижу знакомую физиономию. Резко отворачиваюсь, делая вид, что я его не заметила, но бесполезно, он спалил и уже идёт нам навстречу, преграждая путь.

Может, он к своим друзьям приехал? Вторник же? Схо-

дится!

— Пупс, привет! Готова?

— Пупс? — Выпучивает глаза на него Ася. — Вы что, встречаетесь типа?

— Да, типа, — передразнивает её Платон.

— Что тебе не ясно, Платон? Я всё сказала! — Отвожу его в сторону и цежу, чтобы Ася не подслушивала.

— У тебя парень есть?

— Нет.

— Тогда в чём проблема? Я же вижу твою симпатию.

— Ну то, что у тебя проблемы со зрением, мы уже в первую встречу выяснили!

— Не пойдёшь со мной кататься, я буду петь серенады под окном. Каждую ночь! Соседи тебя возненавидят, пупсик! — Зловеще шепчет мне на ухо.

— Очень страшно, — смеюсь. — Ну попробуй! С радостью послушаю твой репертуар!

— Егор Крид!

— Нет, — представляю, как это будет комично, и начинаю ржать. — Ладно. Я спасу своих соседей! Так уж и быть.

— Да! — Радуется Платон моему согласию, как победе, и приглашает меня жестом за ним.

Ругаю себя, но не могу устоять. Разворачиваюсь, чтобы извиниться перед Асей, но её и след простыл. Достāju телефон, чтобы позвонить ей, и читаю сообщение с пожеланием хорошо провести время. Добивает меня влюблёнными эмод-

зи и огоньками.

— Подруга сбежала, — констатирую.

— Правильное решение, — складывает брови домиком.
— Так, нас такси ждёт.

— Все свои брички в аренду сдал?

— Не совсем, — усмехается.

Садимся в ожидающую машину вместе на заднее сидение, и всю дорогу я испытываю неловкость от его близкого нахождения.

С каждой минутой понимаю, что мне действительно трудно будет игнорировать его ухаживания, пока он в Москве, и решаю расспросить его о стажировке. Может, он сам поймёт, что нецелесообразно за мной волочиться. Понимаю, что, скорее всего, он просто достигатор, и мои отказы только распаляют его. А значит, надо действовать иначе.

Мы приезжаем на красивую набережную на северо-западе Москвы, и я опять ловлю себя на мысли, что у меня ощущение каникул. И пускай завтра наступит осень, а сегодня я провожу с удовольствием лето.

Платон забирает доставку еды на причале и помогает забраться мне в катер.

— Я думала, ты сам рулить будешь, и, честно говоря, опасалась, учитывая твои навыки, — подкалываю его, несмотря на присутствие капитана.

— Мои навыки вас ещё приятно удивят, мадемуазель, — склоняется ко мне и лукаво улыбается. — Капитан нужен для того, чтобы не возвращаться на причал. Чего зря круги наматывать?

— Не тратишь время понапрасну?

— Именно, — самодовольно отвечает, и у меня складывается ощущение, что в нашем разговоре больше подоплёки, чем может казаться на первый взгляд.

Платон даже предлагает мне порулить, пока акватория свободна, и я испытываю неописуемый восторг, а когда наступает закатный час и мы оказываемся в центре, и вовсе пребываю в эйфории.

Зачем он устраивает такие красивые свидания и дарит мне столько приятных впечатлений? Я же привыкну

Он постоянно невзначай до меня дотрагивается, и каждый раз я замираю. Ругаю себя, останавливаю, но мне всё сложнее и сложнее ему противостоять. Что же делать? Хоть какой-нибудь бы знак получить.

Катер причаливает к Болотной набережной, Платон ловко выпрыгивает и протягивает мне руку. Здесь довольно высоко и, кажется, не оборудовано для остановки, и мне приходится воспользоваться его помощью. И больше он моей руки из своей не выпускает.

Тёплый московский вечер чарует своей праздной атмосферой, и я отпускаю себя. Мы бесцельно гуляем по скверу и молчим, держась за руки. Мне хорошо, и я не хочу, чтобы этот день заканчивался. Ощущение, что мы знакомы целую вечность, а иначе как объяснить это спокойствие и теплоту.

Со стороны мы, наверное, кажемся влюблённой парочкой, на деле же — неугомонный мажор и аферистка.

Заглядываем в новый фуд-корт за джелато, и теперь у меня полное ощущение «Дольче Виты».

— Пупс, тебе не следовало брать чёрное мороженое, ты вся измазалась, — Платон останавливает меня у каменного парапета и вытирает мне уголки губ своим пальцем, а затем облизывает его.

От его касания у меня захватывает дыхание и разбегаются щекочущие мурашки по лицу. Они где-то внутри, и это очень странные ощущения, новые. Завороженно слежу за ним и вижу периферийным зрением какое-то движение и слышу знакомый голос вдалеке.

— Поля! Полина! Привет! — Поворачиваю голову и вижу своего бывшего Максима с нашей одноклассницей Лерой. Я знаю, что они встречаются, и не понимаю, что делать. Вот же вляпалась!

— Платон! — Зову его, решение приходит незамедлительно.

Хватаю его за ворот и уверенно тяну на себя. Встречаюсь с мягкими раскрытыми губами, но не решаюсь на полноцен-

ный поцелуй. Пробую их на вкус и не понимаю, от чего у меня покалывает губы. От его мятно-шоколадного мороженого или от удовольствия.

Платон притягивает меня к себе и зарывается рукой в волосы, придерживая меня. Улыбаюсь, не разрывая поцелуй, и с удовлетворением подмечаю, что сегодня без травм и кровотечений. Мы уже работаем слаженнее.

Он слегка прикусывает мне губу, и наконец я встречаюсь с его языком. Горячим, сладким и сливочным. У меня стучит сердце, кружится голова, не то от волнения, не то от вожделения, и я успеваю заметить, что мои одноклассники проходят мимо нас. Но они уже не имеют для меня никакого значения, я в плену его запаха, вкуса и навыков

Платон ловит мой стон облегчения и воспринимает его как зелёный свет. Наш поцелуй становится более требовательным, я чувствую его напор и желание. Позволяю наконец себе отдаться моменту и своему влечению.

Пусть это будет единственный поцелуй, но я выжму из него всё. Максим меня так никогда не целовал. С Максимом я никогда не испытывала такого блаженства.

Кажется, я таю в его объятиях быстрее, чем джелато, которое мы только что съели, и не могу им насытиться. У меня какая-то отчаянная потребность в этом спонтанном и практически вынужденном поцелуе.

— Пупс, — отрывается от меня Платон, прерывисто дыша, — ты сама перевела наши отношения в не платониче-

ские. Я свои обещания выполнял.

Чувствую на своих губах его улыбку и сама расплываюсь в ней.

Глава 16

На улице всё меньше людей, всё тише, всё темнее, а мы не можем расцепиться и целуемся на лавочке. Я никуда не хочу уходить, мне хорошо здесь, на коленях у настырного мажора. Никогда бы не подумала

У меня сердце вот-вот выпрыгнет из груди, мне уже не хватает дыхания, и я мягко отстраняюсь от него.

Платон убирает мне локон за ушко и смотрит на меня с благоговением, глядя по щёчке. В этом жесте столько нежности и теплоты, что я перестаю чувствовать себя одиночкой в этом мире. Чуть ли не мурлычу в его руках от удовольствия и непроизвольно начинаю фантазировать о нашем будущем. Понимаю, что рано, но у меня зарождается стойкое ощущение, что я теперь не одна, что я теперь кому-то нужна. И я на него смотрю и поверить не могу. На той неделе я его убить была готова, а сейчас хочу целовать каждую секунду. Хочу каждую свободную минуту времени с ним проводить. Чудеса

— Платон, — тихо зову его.

— Что, моя хорошая? — Смотрит на меня внимательно, а у меня сердце ёкает от его «Моя хорошая».

— Кажется, мне не нужно третье свидание, чтобы в тебя влюбиться, — признаюсь ему честно. Хотя бы здесь я должна быть откровенна.

— Вот как? — Улыбается Платон и мягко притягивает

моё лицо к себе. — Я не сомневался, просто перестраховался, пупс.

Вот же заносчивый зараза! Мягко пихаю его в твёрдую грудь и сразу же оказываюсь в плену его мягких и тёплых губ. Его горячее дыхание согревает меня, а проворный, способный язык доказывает свою компетентность, сплетаясь с моим.

Я зажигаюсь и не могу остановиться, не могу надышаться им. Уже не стесняюсь забраться руками под свитшот и оглаживать его торс. Я и не думала, что мужское тело может быть таким одновременно твёрдым и нежным на ощупь. В целом это прекрасно описывает Платона. Упёртый, стойкий, но при этом добрый и чуткий.

Я слишком увлекаюсь и забываю, что нахожусь практически у кремлёвских стен, и Платон тут же одёргивает мне юбку. Смущаюсь и подмечаю, насколько он деликатный. Ни разу не позволил себе лишних движений, хотя я у него вся в распоряжении. Это очень располагает.

Я не знаю, сколько уже времени, набережная совсем опустела, ощутимо похолодало, а мы, как два ненормальных, сидим и пялимся друг на друга. Нам даже говорить ничего не надо.

Мимо проносится одинокий велосипедист, и я будто отхожу от чар. Организм настойчиво просит есть и писать. Мы целую вечность катались, гуляли, и я понимаю, что вот-вот лопну.

— Всё хорошо? — Замечает мой дискомфорт Платон.

Елки-моталки, ну вот и сказочке конец. Как мне такому воспитанному парню сказать, что у меня вообще-то и физические потребности есть.

— Мне дико неудобно и стыдно, но я хочу в туалет. Срочно!

— Оу, чёрт, пупс, прости, я не подумал. Мы же даже не зашли никуда поесть. Пойдём.

Радуюсь его адекватной реакции и выдыхаю.

Платон встаёт, протягивает мне руку и ведёт к светофору. Перебегаем дорогу, заходим в Репинский сквер, и я мысленно настраиваюсь на две минуты ожидания. Надеюсь, фудкорт, в котором мы брали мороженое, ещё не закрыт. Хотя уже явно больше одиннадцати.

— А фудкорт не закрылся уже?

— Пойдём. Есть место лучше, — отмахивается Платон и быстро пересекает сквер, снова переводит меня через дорогу и заводит в какое-то шикарное заведение.

В фойе шахматный мраморный пол, картины в багетах, витает потрясающий аромат. Посередине стоит лаковый стол с изысканной цветочной композицией. Но я не вижу никаких вывесок, посетителей и ресепшена с гардеробом.

— Добрый вечер, Платон Александрович! Здравствуйте!

— Кивает нам ниоткуда взявшийся швейцар в бордовом панбархатном кителе.

— Добрый вечер, Владимир! Это моя гостья Алина. Наде-

юсь, она будет часто приходить, — улыбается Платон швейцару.

Куда это я буду часто приходить? Пописать сюда?

— Платон, это отель? — Шепчу, не понимая, пока мы ожидаемся латунный лифт с хрустальными бра. Он что, спланировал это всё и снял номер, чтобы что?

— Нет, я здесь живу. Тебе повезло. Ты не описaeшьсeя, — смеётся Платон.

— Ты здесь живёшь? — Окидываю ещё раз всю эту роскошь взглядом и забываю, по какой причине сюда пришла. — У Кремля?

— Ну — Платон заводит меня в лифт и, кажется, стесняется. — Ну да. Живу.

— Охренеть! Я вспомнила! Я смотрела про этот ЖК коррупционное расследование. У тебя интересные соседи.

— Пупс, — смеётся Платон. — Ты смотришь такое? Никогда бы не подумал, — выходит из лифта и сразу подходит к двери. Прикладывает карту.

— Ты многое обо мне не знаешь, — многозначительно говорю с сожалением.

Скоро моя тыква лопнет, и сказка закончится. И сейчас я это ощущаю явнее некуда.

— Прошу, мадемуазель, — заводит в квартиру и указывает на дверь.

Аромат, обстановка, материалы — всё не просто тяжелый, а тяжелейший люкс. Чёрт. Не знаю, почему я решила, что он

попроще. Может, его китайская телега или простота в общении меня убедили в некой демократичности. Нет, я, конечно, осознавала, кто он, но, видимо, не до конца.

Ой, вляпалась. И взаимно же. Уверена. Мою руки дорожным мылом, смотрюсь на себя в зеркало и выйти боюсь. Ну не по Польке шапка

— Спасибо! Спас! — сконфуженно благодарю его.

Платон стоит, прислонившись к стене, скрестив руки, как Атлант, и смотрит на меня с хитрецей.

— Ну, раз уж мы у меня, может, останешься? — Обескураживает меня непристойным предложением.

— Я девственница! — С испугу выдаю.

— А Да? — Мешкается. — Ну, я же не предлагаю дефлорировать тебя. Можем фильм посмотреть или расследование коррупционное.

Дефлорировать? Боже Вот же умник.

— Уже поздно. Я вызову такси.

— Позволь тебя отвезти? Не хочу сейчас заканчивать этот вечер. — Говорит так нежно и аккуратно, что всё моё возмущение по поводу продолжения и дефлорации стихает.

— С радостью соглашусь, — улыбаюсь.

— Возьми куртку, мне кажется, что тебе холодно, пупс, — Платон заглядывает в гардеробную и накидывает на меня бомбер. Я сразу же растворяюсь в его запахе и пьянею. Берёт меня за руку и выводит. — Пупс, я тебя даже не покормил.

Заедем куда-нибудь?

— Всё нормально. Я не люблю на ночь есть.

— Хорошо, но если передумаешь, говори. В своё оправдание скажу, что ты меня заморозила и я обо всём забыл.

Улыбаюсь, как дурочка, и офигеваю от паркинга. Даже он красивый.

— Обалдеть у вас тут! Я в шоке!

— Есть такое. И по секрету скажу, что у меня самый демократичный корпус. Чтобы ты не думала, что я буржуй.

— Ты буржуй, — смеюсь. — Идеально тебе подходит.

— Я восемь лет прожил в одиннадцатиметровой неотапливаемой комнате. Я не буржуй.

— В смысле неотапливаемой?

— Ну вот так. И вода горячая не всегда была. Так что я просто компенсирую свои лишения. Без излишеств.

Платон так очаровательно оправдывается, и я понимаю, что мне это импонирует. Конечно, это смешно. Квартира в доме делюкс-класса у Кремля — это роскошь роскошная, но он не понторез. И не хвастается. Я таких не встречала.

— Это ты с родителями в какой-то неблагополучной стране жил?

— Нет. В школе в Англии. Родители очень много работали. У отца родители давно умерли, а мамыны только-только на пенсию вышли. Сами были в вечных командировках. Целесообразнее было меня поместить в такую школу.

В копилку плюсов Платона отправляю ещё один. Откро-

венный и не обиженный на родителей. Принимает как факт обстоятельства и не ратует на судьбу.

— И ты окончил школу там? А почему не пошёл в университет в Англии или в Америке?

— Я с пяти лет мечтал быть Лавровым, — говорит Платон и заливается румянцем, что вызывает у меня желание его обнять и приласкать. — Поэтому только МГИМО.

Не могу сдержаться и целую его, прежде чем сесть в машину. Боже-боже!

Мы переезжаем Малый Каменный мост, я люблюсь ночной Москвой и держу Платона за руку. Даже стыдно, что я такая сейчас счастливая и влюблённая. У меня мама только умерла, а я уже нашла радость в жизни. Разве так можно?

— Пупс, ты чего сникла? — Сразу же замечает во мне перемену Платон.

Смотрю на него и хочу открыться. Насколько бы мне было легче. Просто взять и сказать. Но я уже так боюсь потерять его, что просто грустно усмехаюсь.

— Да ничего. Просто этот дом, — указываю на легендарный дом на набережной, — навевает грустные мысли. Представляешь, сколько там было поломанных судеб?

Я сейчас ему не вру. Я много документалок смотрела про те времена, и я всегда чувствовала от этого дома какую-то особую энергетику. И у дяди Коли была как-то роль в историческом сериале, связанная с этим домом.

— Представляю. У меня в нём бабушка с дедушкой жи-

вут. Много историй слышал.

— Да? Обалдеть! Всегда мечтала там побывать! А ещё недавно прочла повесть Трифонова. Я несколько дней отойти не могла. И еще больше захотела там оказаться.

— Мадемуазель, как Вы, однако, форсируете наши отношения, — усмехается Платон.

Форсирую наши отношения? У нас что, отношения? Он так и сказал?

— Я не форсирую, — смущаюсь. — Просто поделилась.

— Пупс, да я шучу. А Трифонов — совсем не школьная программа. Приятно удивляешь своим внеклассным чтением.

— У меня мама учительница литературы, так что у меня всегда свой список был.

Елки-моталки

— Респект, — сжимает мою руку Платон, а я вдохнуть боюсь. Меня только в разведку отправлять. Я точно скоро провалю своё задание.

Перевожу испуганный взгляд на Платона и выдыхаю. Вроде всё в порядке.

По ночному городу быстро долетаем до моего дома, и хоть уже первый час ночи, мне не хочется расставаться.

— Ну, пока?

— Пока, — улыбается Платон, — поцелуй меня, пупс, а то я не усну!

За эти полчаса поездки я снова его смущаюсь и нерешительно тянусь к нему.

Смущение тут же улетучивается, как только я встречаюсь с его губами и чувствую его запах и вкус. Сейчас уже нет сладкого вкуса мороженого, есть только он, восхитительный, вкусный и дико приятный на ощупь.

Кажется, мне больше не хочется его обзывать и ругаться, вместо этого я с удовольствием сражаюсь с его языком. И он действительно прекрасно им владеет. Я готова уже вступить в фан-клуб его языка.

Рука Платона ложится мне на колено и требовательно сжимает его. Мне жуть как приятно, но снова ощущение, что он шупает меня на предмет лишнего веса. Свою колени, зажимая его руку и не даю ему трогать мои жиры.

— Тебе не нравится? — отстраняется. — Извини.

Понимаю, что это я загоняюсь, он просто меня ласкал, и развожу ноги.

— Нравится, — шепчу ему и сама иницирую продолжение поцелуя. У меня нет никакой силы воли разорвать его и пойти спать. Я уже обнимаю его за шею и с удовольствием копошусь в его волосах.

Рука Платона плавно сжимает мои ляжки, и я млею от приятных ощущений.

— Мне остановиться? — Выдыхает в губы Платон и скользит рукой выше. Застываю, думаю. Прекрасно осознаю, куда он ведёт, и не могу сказать «нет».

— Продолжай, — киваю ему и замираю. Платон перекидывает мои волосы на одну сторону и приникает губами к шее. Чувствую его язык на своей коже и как от него, словно снежный обвал, разбегаются мурашки по всему телу.

Его рука уже забирается выше линии и так короткой юбки, он уже очерчивает внутреннюю сторону бедра и находится недопустимо близко к моим уже успевшим намокнуть трусикам.

— Мне остановиться? — Снова повторяет свой вопрос Платон, и я удивляюсь, сколько в нём выдержки, воспитания и уважения.

— Нет, — шепчу и закрываю глаза. Мне невероятно стыдно, но я хочу взять то, что он мне предлагает.

Его мягкий язык и губы кружат по моей шее, а пальцы касаются трусиков и выбивают из меня стон.

— Могу продолжить? — Спрашивает, подцепляя пальцем ткань белья.

— Можешь, — шепчу севшим голосом и чувствую его пальцы на своей коже.

— Пупс, какая ты сочная! — Возвращается к моим губам, и я чувствую его улыбку на своих губах. Он кружит пальцами там, где даже я себя боюсь касаться, и глотает мой стон.

Его язык становится более требовательным, он крепко держит мой затылок и целует меня глубоко, настырно и пылко. У меня перед глазами плывёт, а между ног всё горит и хлопает.

Он вытворяет со мной что-то невообразимое, надавливает, видимо, на особые точки, и я выгибаюсь и корёжусь от неведомых ранее ощущений.

— П-п-п-латон! — Всхлипываю, теряя над собой контроль.

Он владеет своими пальцами не менее виртуозно, чем своим языком, и вытворяет ими нечто сумасшедшее.

— Не смущайся! Доверься мне! — Сталкивает нас лбами и продолжает своими пальцами вырывать из меня стоны.

Внизу живота всё скручивается, напрягается. Чувствую спазмы и постоянно разрываю поцелуй, чтобы глотнуть воздуха.

Платон сужает круговые движения, концентрируется на одной точке и постоянно чередует напор. Слабый-сильный, быстрый-спокойный, и я чувствую, как воспаряю. Меня переполняет от восторга, счастья, удовольствия и нежности к нему. Это что? Он? Мой первый оргазм? Очуметь!

— Ой! — Отстраняюсь от Платона и чувствую робость, смущение и уязвимость.

— Секунду, — Платон тянется к бардачку, достаёт салфетки и протягивает мне, — держи, пупс. Тебе понравилось?

Он ещё спрашивает? Вроде умный

Стесняюсь вытираться перед ним и сижу в нерешительности. Мне не совсем комфортно. Очень мокро. Труссы натирают воспалённую и возбуждённую кожу, но я не представляю,

как это. И Платон снова считает меня и делает всё за меня, пока я сижу в немом шоке и боюсь пошевелиться.

— Прости! Я пойду! Спасибо!

— Хэй! Ты чего? — Перехватывает моё лицо и смотрит с нежностью.

— Ты, наверное, сейчас подумаешь, что я легкомысленная и доступная

Ужас, здравый смысл ко мне возвращается, и я понимаю, насколько неприлично себя сегодня вела. Первая поцеловала. Сидела обжималась с ним несколько часов на набережной. Прилюдно! Домой пописать напросилась, а потом ещё и позволила залезть в трусики. Хороша

— Пупс, — прикладывает палец к моим губам, — я бы так не подумал, даже если бы ты меня совратила, когда я принёс тебе ботинок. — Вспоминаю эту сцену и прыскаю. Ага, конечно! Смешной! Подавляю смешок и смотрю на него с подозрением. — Это было бы логичное продолжение нашего необычного знакомства. Не переживай! Мне эта неделя показалась целой вечностью.

Глава 17

— Алло! Чего ты мне не отвечаешь весь день? — Алина начинает звонок с наезда.

И так настроение упало хуже некуда, ещё претензии от подружки выслушивать. И так стыдно за себя. У меня траур, а я размениваюсь на такие мелочи.

— У меня было пять пар и ещё в Академии был фестиваль. Некогда.

— Ты всегда мне отвечаешь! Филипп на занятиях. Мне скучно. Поговори со мной. А что за звук? Ты в ванной?

— Да, ты на громкой связи, у меня вечер ухода за собой.

— Ты не в настроении что ли? — Докапывается Алина.

— Да! Я дура!

— Поля, что такое? — С тревогой спрашивает Алина.

— Я пошла вчера на ещё одно свидание с Платоном. Точнее, он вынудил пойти. Но было классно. Очень. Мы катались на катере, потом гуляли по центру, ели мороженое, и я встретила Макса

— Что? — Вскривает Алина. — И что? Он тебя спалил?

— Спалил. Он был с Лерой и кричал на всю улицу, махал мне, звал. Ну я и поцеловала Платона.

— О-оу! И?

— И мы целовались часа три. И я ему сказала, что влюбилась. Дура! А потом я захотела в туалет, уже было поздно,

и он говорит, что в кафе идти не надо, есть место лучше. И привёл меня к себе домой. Мы были буквально в двух минутах от его квартиры. Он всё спланировал!

— Тааак. И?

— Ну я сначала ничего не поняла. У меня мозг отключился. Он мне предложил остаться у него. Я запаниковала, призналась, что девственница. Он что-то про дефлорацию пошутил и повёз меня домой. И на прощание

— Что? — Слышу по Алининому голосу, что она посмеивается надо мной, и становится совсем стыдно.

— Нуу Ну у нас был петтинг. Я испытала оргазм.

— Да! Да! Да! — вопит Алина. — Наконец-то! И?

— Ну и я так засмушалась после. Сказала, что я доступная в его глазах.

— Что за бред? Господи, Поля! А он?

— Сказал, что ничего подобного. И так не подумал бы, даже если бы мы переспали в день знакомства. И что ему эта неделя вечностью показалась. Мы договорились сегодня встретиться, а в итоге игнор. Он просто хотел меня трахнуть. Не удалось, и всё. Я дура. Влюблённая дура.

— А ты ему писала?

— Нет. Только отвечала на его сообщения смайликами.

— На какие? Если он тебе писал, то это не игнор.

— Ну, он на ночь написал, что засыпает с мыслями обо мне. И днём написал, что очень занят, но думает обо мне.

— Глупая! Это не игнор! Он запал!

— Ага, конечно Просто держит меня как запасной вариант. Понял, что раз я девственница, то развлечься не получится, и слился. Он же обещал встретиться, а сейчас уже почти десять. Всё понятно.

— И ты расстроилась?

— Очень

— А ты ему подрочила?

— Что? С ума сошла? Нет, конечно!

— Ну вот и ответ. Ты ему не дала ничего взамен. Это нечестно. Да и вообще Как можно было не проверить его корень? А вдруг всё в ботву ушло? А ты уже влюбилась! Кто так делает? Всегда-всегда сначала надо проверить, стоит ли влюбляться. Это база, Поля!

— Ну, теперь это уже не имеет значения. Знаешь, это и к лучшему. Видела бы ты дом, в котором он живёт. Где он и где я? Не вариант вообще. В любом случае я просто временное развлечение для него. Пока не улетел. Но вчера мне казалось, что всё совсем не так. Мы разговаривали много, делились друг с другом личными моментами. Я думала, мы выстраиваем отношения, узнаём друг друга. А Ещё вспомнила. Он сказал, что его бабушка с дедушкой живут в Сером доме Правительства. А я, что мечтаю там побывать. Ну и он сказал не форсировать отношения. Да я не намекала на то, что хочу с ними познакомиться. Просто хочу на экскурсию. Я не особо придавала значения его словам. А сейчас понимаю.

— Ну и хрен с ним! Сойдёмся на том, что у него недораз-

витый пастерначок, и забудем. Да?

— Да, — горько соглашаюсь. — В конце концов я сама этого хотела. Аль, подожди, вторая линия. Аля! Это он!

— Так! Отключаюсь. Не выдавай свою радость. Ровно от-
веть. И без претензий! И проверь корень, если встретитесь!

— Ой, всё, — смеюсь и сбрасываю звонок. Настроение в миг улучшается. — Алло!

Чувствую, как заливаюсь румянцем и вся горю. Это как получить доставку счастья. Елки-моталки! Я по-настоящему влюбилась

— Пупс, привет! Прости, что поздно звоню, — слышу ласковый голос Платона, и на душе тепло и радостно становится. — С куратором засиделся. Только из универа выхожу.

— М-м-м. Да ничего страшного. Понимаю.

— Ты уже спать ложишься? Хочу тебя увидеть.

Умела бы я делать сальто, сделала бы.

— Я думала выпить какао и лечь спать, да.

— М, пупс. Жаль, — вздыхает Платон. — Эх, сам виноват. Тогда поеду в зал и тоже спать сразу.

Молчу и улыбаюсь. Мне нравится, что он делится своими планами, не играет и искренне сожалеет, что не успел со мной встретиться.

— А хочешь со мной какао выпить? — Предлагаю и чувствую, как горят мои щёки от смущения. Божечки, я его в гости зову...

— Через десять минут буду.

Глава 18

Ношусь по квартире как угорелая и стараюсь всё раскидать аккуратненько.

На ходу отписываюсь Алине, что я позвала его в гости. Она, разумеется, против не будет, но знать должна.

В гардеробной хватаю чистый домашний костюм из тонкого трикотажа и переодеваюсь за доли секунд.

Из отражения зеркала на меня смотрит разморенная долгим пребыванием в ванной и возбуждённая от предвкушения скорой встречи девушка с болезненным блеском в глазах. Я себя не узнаю. Кажется, даже неприлично показываться в таком виде.

У меня всё на лице написано. Всё. Я отчаянно влюбилась. Разве так бывает? Что со мной не так? Один вечер поцелуев, один оргазм, и я сдалась. Расчёсываю волосы и понимаю, что не всё так просто. А ещё много ярких впечатлений и переживаний. И безумное первое свидание, которое освободило меня. И его чуткость, и его забота. Да даже наша ругань. И та Приятная. Уже нет смысла врать себе.

Загружаю посуду в посудомоечную машину и слышу звонок в дверь. В горле тут же пересыхает, и я залпом выпиваю стакан воды.

Пока иду до прихожей, прикладываю руки к щекам и похлопываю, чтобы хоть как-то прогнать выдающую меня

красноту и унять волнение. Как-то у меня сердце плохо работает для восемнадцати. Хорошо, что на следующей неделе диспансеризация. От греха подальше надо сделать ЭКГ.

— Привет! — Распахиваю дверь и не сразу узнаю Платона. Впервые вижу его в тёмной одежде и джинсах. Он другой сегодня. Не голден-ретривер. Даже дерзость какая-то присутствует.

— Привет! Я могу войти? — Интересуется Платон, и до меня только доходит, что я застыла в проёме и плююсь на него. Пропускаю его, закрываю дверь, и мы, как два магнита, подрываемся друг к другу. Его сумка с грохотом плюхается на пол, и даже этот грохот не способен заглушить бешеный стук сердец. Он у меня отчётливо отдаётся где-то в ушах. При соприкосновении наших губ удовлетворённо мычу от удовольствия и прижимаюсь к нему непозволительно близко. — Тоже соскучилась?

— Да-а, — отвечаю и отстраняюсь, пугаясь своего желания. Вчера ещё такого не было. Кажется, что сегодня я бы не смогла отказаться от его приглашения заночевать

Нет-нет-нет! Нельзя! Не форсировать, главное — не форсировать.

— Где я могу руки помыть? — Спрашивает Платон, поглаживая мне щёку пальцем и не давая мне до конца вырваться.

— Здесь, — киваю на дверь в гостевой санузел.

У меня явно какие-то проблемы, ведь даже руки я ему

помыть спокойно не могу. Стою и люблюсь, как он намывает свои аристократичные пальцы, и только и думаю о том, будет ли сегодня вчерашнее представление исполнено на бис.

— Пупс, я жутко голодный. Какао — это классно, но мне надо поесть. Подскажешь, откуда заказать, чтобы максимально быстро что-то привезли?

Вспоминаю, что мы с Алиной ждали доставку почти два часа из ближайшего ресторана, и соображаю, что ещё ему предложить.

— Может, в «Самокате» что-то или в «Лавке»? Всё остальное доставят не очень быстро.

— Если у тебя приличная вытяжка и ты не против, я бы пожарил себе мяса.

— У меня? Пожарить? — Вот это приколы. Не так я представляла наше питьё какао. На самом деле какао — это же только предлог.

— Да. У тебя же есть сковорода? Или гриль?

— Сковородка-гриль есть. Ты сам пожаришь? — Уточняю, до сих пор не веря в это мероприятие.

— Да. У меня даже стейк с собой. Доставку привезли в универ.

— Хорошо, пойдём. Я тебе помогу.

Пока он достаёт мясо и накаляет сковородку, докладываю Алине обстановку. Что-то я обескуражена.

— А тебя он отжарить не хочет? — Алина заводит свою шарманку, а я тем временем замороженно наблюдаю за Пла-

тоном.

Господи, шеф Габриэль из «Эмили в Париже» был нашим с ней крашем в десятом классе, и у меня сейчас такие навязчивые флешбэки из сериала происходят.

Он закатывает рукава своего пуловера, и я действительно хочу быть этим стейком. Как он его натирает и бережно с ним обращается. Я ревную!

— Да ты профи, — говорю, когда он замечает мои взгляды.

— Есть немного. В семнадцать лет проходил практику в ресторане в Париже.

— А-а-а, — сглатываю слюну и закусываю губу. — У меня есть свежий розмарин. Надо?

— Конечно! Здорово.

Бегу к подоконнику к своим горшочкам с травами и приношу ему нужный. Кажется, у Алины они здесь для декора растут, но почему бы их не пустить в оборот. Тем более мяту я и так уже общипала для чая.

Глаз оторвать не могу, когда он выключает огонь и поливает раскалённым в сковороде маслом стейк. Каждое его движение выверено и отточено. Также уверенно он и меня вчера доводил до кондиции.

Накрываю на стол и с каждой секундой чувствую нарастающее возбуждение. Понимаю, что он мне очень нравится. Слишком сильно.

Не знаю, как сесть, чтобы хоть немного унять своё жела-

ние и беспокойство. Скрещиваю ноги, становится только хуже, и я начинаю ёрзать на стуле и изводить себя ещё больше.

— Попробуешь? — Протягивает мне Платон вилку с насаженным куском, и я, как загипнотизированная, тянусь к его руке.

— Очень вкусно, — отвечаю, уже не смея поднять на него глаз. Он на меня так смотрел, пока я жевала, что у меня все внутренности скрутились.

— Еще? — Спрашивает низким голосом, и я уже мечтаю, чтобы он расправился с этим куском мяса и переключился полностью на меня.

— Ага, ещё, — делаю глоток воды и снова тянусь к нему. Моё «ещё», по-моему, ясно дало ему понять, чего на самом деле я хочу ещё.

Когда он доедает, встаю и чувствую, как у меня подкашиваются колени. Убираю тарелку в посудомойку и боюсь обернуться. А вдруг он скажет, что ему уже пора.

— Хочешь какао? — Убого пишу. Я не знаю, как себя вести.

— Нет, в другой раз, — Платон встаёт из-за стола, и я замираю. Неужели действительно сейчас поедет домой? Он споласкивает свои руки, обводит глазами кухню-гостиную и направляется к дивану. — Иди сюда, пупс.

Нерешительно подступаю к нему, хочу сесть рядом, но он нехарактерно резко для себя обхватывает моё бедро и тянет меня на себя. Поддаюсь смелому порыву, перекидываю ногу

и сажусь сверху. Я вчера весь вечер провела на его коленях, но сейчас это недопустимо откровенно.

Кладу руки на его твёрдые плечи и замираю в нерешительности. Он же не переступит грань? Он понимает, что я не готова?

— Платон, я Я пока не готова, — тихо шепчу. Может, он решил, что раз я его позвала, то это зелёный свет? Возможно, так это и выглядело. Но всё-таки нет.

— А к чему готова? — Мягко притягивает меня к себе, вжимаюсь ещё больше в его тело и чувствую промежностью его твёрдый пах. Слова Алины яркими вспышками оживают в голове, и меня заливают жаром от груди до самого лба.

— Вчера было хорошо. К такому готова, — преодолевая смущение, отвечаю.

Платон одним уверенным движением опрокидывает меня на диван и нависает сверху. Его чувственные губы растягиваются в самодовольной улыбке, которая на той неделе меня дико бесила, а сейчас сводит с ума, и целует меня.

Восторг окутывает всё моё сознание, и я забираюсь руками под его кофту. Платон сегодня целует меня намного напористее, чем вчера. Вчера ещё был трепет и стеснение, сегодня только жажда.

Я беззастенчиво закидываю ногу на него и чувствую соприкосновение наших тел в самом интимном месте. Мне мало того, что сейчас происходит. Я однозначно хочу больше-

го и начинаю стягивать его пуловер. Платон поддаётся мне и одним резким движением снимает его вместе с футболкой. От контакта с его кожей у меня кровь нагревается, и, отдаваясь своим порывам, я начинаю бесстыже тереться о его пах.

Платон отрывается от моих губ и начинает целовать мне шею и ласкать грудь через тонкий трикотаж моего лонгслива. Понимаю, что безумно хочу больше контакта с его голой кожей и не знаю, как сказать, чтобы он снял с меня верх.

Я не знаю, куда отступило моё стеснение. В голове постоянно прокручивается, что у меня всего лишь месяц с этим потрясающим парнем. И я чётко понимаю, что хочу за этот месяц всего. Ограниченный отрезок времени будто придаёт остроты и какого-то отчаяния, обречённости, и именно поэтому я прощаюсь со всеми своими запретами.

— Позволишь? — Платон, видимо, читает мои мысли и начинает деликатно задирать ткань моей кофточки.

— Да! Снимай! — Отвечаю и закрываю глаза, когда он собирает мой лонгслив и резко тянет наверх. Поддаюсь ему, поднимая руки и оказываюсь полуобнажённой перед ним. Приоткрываю веки и смотрю, как он любит меня. Это не пошло, не унижительно, это красиво.

Я словно наблюдаю со стороны и возбуждаюсь ещё больше, когда он касается губами кожи груди, натягиваюсь, как струна, и жалобно всхлипываю, как только его горячие губы касаются моего затвердевшего соска. Кажется, весь мир перестаёт для меня существовать в этот момент. Есть только

мои ощущения. Запредельно приятные ощущения скольжения влажного языка по невероятно чувствительной коже.

Выгибаюсь ему навстречу, зарываюсь руками в волосы и кусаю губы, изнемогая. Мне так хочется, чтобы он скорее добавил к своим поцелуям ласки, как вчера.

Начинаю активнее тереться о его грубую джинсовую ткань, и второй рукой он подступает к резинке моих штанов. Он больше не спрашивает, он уверенно залезает и под неё, и сразу в трусики.

— Давай снимем их? Тебе будет удобнее, — говорит, размазывая горячую влагу. Я киваю ему, не разжимая губ, и смотрю, как он стягивает с меня брюки. Всё, я завтра же воспользуюсь Алининым сертификатом. Он замечает, что я ёжусь, и деликатно снимает трусики, глядя мне в глаза, а не туда.

— Ты тоже снимай, — пугаясь своей решительности, говорю ему. Уверена, что меня уже никакой пастерначок не испугает, я окончательно и бесповоротно влюбилась, но я хочу посмотреть, что меня ждёт. И да, Алина права, я должна дать ему что-то взамен. Не должна, хочу Бровь Платона выгибается, и он запредельно быстро избавляется от своих джинсов и остаётся в одних трусах.

— Снял. И? — Смотрит на меня с игривым предвкушением. — Какие дальше команды, мадемуазель?

— У тебя красивые трусы, — говорю первое, что приходит в голову, когда смотрю на его спортивное тело. Он как

модель нижнего белья в своих чёрных шёлковых боксерах «Том Форд». Мой взгляд примагнитился к надписи на резинке, к точеным косым мышцам пресса, и сейчас я хоть и смущаюсь, но разрешаю себе разглядеть его. Я даже забываю, что сама полностью обнажена. Всё, что меня интересует, это оставшаяся скрытой под шёлком часть его тела. Но я уже вижу, что ничего там в ботву не ушло. Всё пропорционально. Идеально.

Пастернак считает мою нерешительность и снова ложится на меня. Приближается к моим губам, а я дрожу вся от контакта наших тел. Как же приятно.

— Снимай, пупс, — шепчет мне в губы и сразу же их целует.

Сплетаюсь с его языком, прижимаюсь телом к его горячему и твёрдому телу и решаюсь поддеть его трусы. Стягиваю их и ловко помогаю себе ногами их спустить до самого низу. Платон высвобождается, и я понимаю, что всё. Преград не осталось.

— Хочешь взять его? — Перехватывает мою руку и подносит к виновнику моей небывалой смелости. Касаюсь твёрдого, невероятно мягкого, словно сатин члена, и распахиваю глаза. Провожу рукой вниз, чувствую под ладонью рельеф, вены и несломимую твёрдость. Это восторг! Вот это корень пастернака! Образцово-показательный! Эталонный! А я боялась члена. Дурочка! Он классный! Анти-стресс игрушки нервно курят в сторонке. Так, всё, я переобучаюсь. Члены —

это круто! Первым делом попрошу прощения у всех своих подружек, что несправедливо подвергались моим насмешкам.

Платон управляет моей рукой и ведёт ладонь вверх, догадываюсь, что касаюсь головки, боже, она еще нежнее и приятнее. Размызываем смазку, и я слышу приглушённый стон Платона. Смотрю на его лицо, вижу напряжённые челюсти и потемневший взгляд, и радуюсь, что ему тоже приятно.

Повторяю за ним движения и постепенно понимаю, что надо делать.

— Я сама, — шепчу ему, он отрывает руку, передаёт мне инициативу и одновременно касается меня. — Поцелуй меня!

Наш поцелуй отчаянный, я вкладываю в него всё своё желание и нетерпение. В голове крутится, что у меня месяц, и я хочу выжать максимум. Усмехаюсь и усиливаю свой напор рукой. Судя по напряжению Платона, я делаю всё правильно, хотя иногда и забываю о нём из-за слишком интенсивных собственных ощущений.

Мне очень хорошо, сладко, кайфово. Тело дрожит и управляет мной. Запах мяса становится всё менее выраженным, и комнату наполняют ароматы возбуждения. Они какие-то дикие, первобытные, и явно дурманят мой мозг.

Платон медленно кружит вокруг моего клитора, отчаянно заставляя желать большего. Будто он дразнит меня, раззадоривает.

— Пупс, — чувствую, как пальцы Платона останавливаются, —пустишь меня?

— Что? Куда? — Испуганно уточняю и в этот момент понимаю, что он имеет в виду. — Да-да! Входи!

Отвечаю и думаю, как же, наверное, комично это слышится вне контекста. Еще бы постучал

Его пальцы толкаются внутрь, и я чувствую, как меня распирает. Это что-то новое, но однозначно заслуживающее внимания. Мне страшно, но я расслабляюсь и продолжаю его ласкать.

Я вся дрожу, когда пальцы погружаются глубже. Большой остаётся снаружи и ласкает меня сверху, а два других сладко растягивают меня внутри. От остроты момента хватаюсь за его член крепче и сама пугаюсь своей силы.

— Нормально, продолжай! — Шепчет.

Я продолжаю, а моё тело синхронизируется с его ласками и подстраивается под него. Я извиваюсь, сжимаюсь, и мои ощущения только усиливаются.

Дышать становится тяжело и больно, кровь в венах бурлит, меня накрывает горячими волнами, с губ срывается стон, впиваюсь второй рукой в спину Платона и обмякаю. Удовольствие взрывается внутри меня, как праздничные фейерверки.

Платон плывёт перед глазами, и я никак не могу отдышаться.

Он начинает целовать мне шею, ключицы, высоко взды-

мающуюся грудь и что-то мне шептать. Я отчётливо слышу только стук своего сердца и никак не могу вернуться в реальность, пока не чувствую в своей руке его ещё более напряженный член. Возвращаясь к нему, Платон снова накрывает мою руку своей и начинает интенсивно ей водить. Платон шипит, я чувствую напряжение, и в этот же момент мою ладонь орошает тёплая и вязкая жидкость.

Я собираю себя и концентрируюсь на Платоне. Испытываю восторг от его реакции, от его удовольствия.

Даже замечаю, что его тело поблёскивает от пота и выглядит еще более привлекательным.

Мы разъединяемся и громко дышим. Это так ново и волнующе для меня, что я сейчас сама не своя. Слишком много впечатлений.

Беру салфетки с журнального столика, сегодня уже вытираюсь сама и подглядываю за Платоном. Красивый. Очень.

— Уже поздно, пупс. Мне надо ехать, — начинает одеваться Платон, и я одновременно радуюсь этому и расстраиваюсь.

— Хорошо.

— У тебя есть планы на выходные?

— Нет. В эту субботу я не учусь. Никаких планов.

— Тогда предлагаю их провести вместе, — улыбается Платон и целует меня. — Попробуем что-нибудь ещё платоническое.

Закрываю от смущения лицо ладонями и смеюсь. Чув-

ствуую запредельную радость.

— Напиши, как доедешь, — прошу его на прощание и снова целую.

Как только Платон уходит, открываю окна и выветриваю весь порок из гостиной. Это слишком. Я не усну от такого. Чищу зубы, готовлюсь ко сну и слышу звонок в дверь. Прошло уже полчаса. Не мог же он вернуться.

Накидываю кардиган, открываю дверь и не стесняюсь курьера, визжу от радости.

Огромный букет розовых кустовых розочек. Благодарю доставщика, с трудом затаскиваю корзину внутрь и бегу за телефоном.

— Получила? — Отвечает Платон. — Я только вошёл в дом.

— Получила! Спасибо! Они такие красивые! Мне очень приятно!

— Я провёл замечательный вечер! Ты мне очень нравишься. Жду не дождусь выходных, — говорит Платон.

— И я!

— Ложись спать, пупс! И пришли мне свой паспорт.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.